

Лиля Саваренская

Две Ольги

Лиля Саваренская

Две Ольги

«Автор»

2026

Саваренская Л.

Две Ольги / Л. Саваренская — «Автор», 2026

Владивосток, 1999 год. Пятнадцатилетняя Ольга Кравцова каждое утро в 5:30 ныряет в ледяную воду бассейна. Её жизнь — секунды, свисток тренера и больное сердце отца, которое может спасти только операция в Москве. Москва, та же дата. Лёля Вакулеева просыпается в 9:30 под аромат свежей выпечки. У неё есть любящий отец-кардиолог, преданный парень и мир, который кажется идеальным. Судьба сводит двух Ольг на кладбище, куда их приводит одна и та же трагедия. Одна потеряла родителей, другая — отца. А стальной железнодорожный ключ, переходящий из рук в руки, становится символом невыплаченного долга. Пройти через боль, предательство, любовь и выбор, который не имеет правильного ответа — такова цена взросления для двух девушек по имени Ольга.

© Саваренская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	40
Глава 13	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лиля Саваренская

Две Ольги

Глава 1

Глава 1. Цена секунд

Утро началось в темноте. За окном выл декабрьский ветер, доносившийся со стороны Амурского залива, и ледяная приморская ночь даже не думала уступать место рассвету. Но секунды покоя закончились, едва взгляд упал на светящиеся электронные цифры будильника. 05:30.

Для пятнадцатилетней Ольги это время давно стало сигналом к началу жёсткого, отточенного до автоматизма ритуала. Пока весь Владивосток ещё спал в глухих зимних сумерках, она уже сидела на краю кровати, натягивая плотные спортивные легинсы. Мышцы после вчерашней вечерней тренировки ныли, напоминая о каждом метре, выплаканном в бассейне.

— Оля, ты встала? — резкий, сухой голос Ирины Николаевны донесся из коридора ещё до того, как скрипнула дверь.

Тренер не просто контролировала её в бассейне — она контролировала её жизнь, фактически забрав девочку к себе на полное обеспечение ради «большого спортивного будущего». Ирина Николаевна была женщиной стальной, советской закалки: идеальная осанка, завязанные в тугий пучок седые волосы и взгляд, который видел Ольгу насквозь. Дома она не превращалась в любящую маму или тётю. Она оставалась тренером.

— Быстрее на кухню. Завтрак на столе. Через двадцать минут мы выезжаем, — сухо бросила женщина и закрыла дверь.

Оля послушно вышла на кухню. На столе её ждал плотный, тяжёлый завтрак — паровую котлету и омлет из трёх яиц Ирина Николаевна приготовила ровно к сроку, лично контролируя баланс белков и высчитывая каждый грамм. На календаре уныло маячил декабрь 1999 года. Весь мир вокруг бредил наступающим миллениумом и ждал чудес от нового века, но в этой квартире менялись только цифры на электронном табло бассейна.

Оля быстро съела всё до последнего кусочка, встала, привычным движением тщательно вымыла за собой тарелку, вытерла насухо и убрала в шкаф. В доме Ирины Николаевны идеальный порядок и дисциплина были таким же незыблемым законом, как и режим тренировок. Любая небрежность каралась дополнительным штрафным километром на воде.

Вернувшись в комнату, Оля вдохнула, глядя на свои ладони с огрубевшей от постоянного контакта с хлорированной водой кожей. Ей пророчили золото на грядущих юношеских соревнованиях, её называли главной надеждой региона, но прямо сейчас, в свои пятнадцать, Ольга больше всего хотела хотя бы поспать до девяти утра.

В этой квартире во Владивостоке Оля жила уже два года, но их система отношений сложилась ещё в Хабаровске. Все началось в бассейне «Дельфин», куда десятилетнюю, хрупкую Олю в середине девяностых привели родители. Оля тогда тайно надеялась, что плавание — это временно, что потом её всё-таки отдадут на танцы. Ей до безумия хотелось примерить пышную пачку, кружиться под музыку и чувствовать себя невесомой, прекрасной.

Но вместо музыки был резкий свисток Ирины Николаевны. Тренер, воспитанница жёсткой советской школы, выцепила Олю из толпы балующихся детей мгновенно. Она разглядела то, что сама Оля в себе не замечала: природную плавучесть, правильный шаг гребка и редкую способность терпеть, когда лёгкие горят от нехватки воздуха.

Для самой Ирины Николаевны, потерявшей с распадом Союза былые союзные перспективы и финансирование, эта девочка стала единственным смыслом жизни. Кругом в девяно-

стые всё рушилось, тренеры уходили торговать на вещевые рынки или уезжали за границу, а она осталась. Ирина Николаевна была фанатиком своего дела. В Ольге она видела свой последний шанс — доказать, что советская тренерская система жива и что наперекор всему на Дальнем Востоке можно вырастить чемпионку.

«В нашем "Дельфине" на двадцатипятиметровых дорожках она закиснет, останется посредственностью, — отрезала тогда Ирина Николаевна на кухне у родителей в Хабаровске. — Ей нужен простор. Нужен Владивосток».

Отец тогда хмурился, пытался заступиться, говорил, что девчонка ломается. Но мама, всегда державшая дом в кулаке, загорелась этой чужой амбицией. В тринадцать лет Олю передали тренеру. Перевезли во Владивосток и заперли в стенах огромного спорткомплекса «Олимпиец». Тот, построенный ещё в 1988-м к Сеульской Олимпиаде, казался Оле огромным. Его пятидесятиметровый бассейн требовал от неё стать послушным автоматом. И Оля подчинилась. Она научилась прятать ту маленькую, нежную девочку, мечтавшую о балете, глубоко-глубоко под толщу холодной воды. Она усыпила её, чтобы не плакать по ночам от тоски по дому.

Оля застегнула замок спортивной сумки и мысленно шепнула той, маленькой себе из прошлого: «Потерпи. Ещё немного. Я помню про тебя».

После тренировки Ирина Николаевна всегда заходила в раздевалку и начинала отчитывать Ольгу за все ошибки на дорожке. Разговор продолжился в салоне старой «Тойоты Короны». Ирина Николаевна уверенно вела машину по сопкам Владивостока. Оля сидела на пассажирском сиденье, чувствуя, как тепло от печки приятно согревает лицо после ледяной воды бассейна.

— Сегодня на стометровке ты шла неплохо, Кравцова, — Ирина Николаевна мельком взглянула на неё, крепче перехватив потёртый руль. — Но на развороте теряешь доли секунды. Внимательнее будь. На грядущем чемпионате страны фаворитки из столицы такую ошибку не простят.

— Я поняла, Ирина Николаевна. Завтра на утренней тренировке отработаю толчок, — спокойно ответила Оля, глядя на пролетающие за окном вечерние огни портового города.

Обсуждение спортивной карьеры и графиков нагрузок продолжалось всю дорогу, пока «Тойота» не припарковалась во дворе обычной, но очень аккуратной многоэтажки. В их квартире всегда царил строгий, почти стерильный порядок — Ирина Николаевна была фанатично чистолюбивой, сама всё мыла и тёрла до блеска, поэтому привычный запах хлорки из бассейна здесь мгновенно исчезал, уступая место домашнему уюту.

Едва они разулись в прихожей, Ирина Николаевна прошла к телефонному столику. По её обычно строгому лицу было видно, что недавний звонок, заставший её перед выездом из бассейна, до сих пор не идёт у неё из головы. Она медленно повернулась к Ольге, и в её глазах впервые за весь день проступила глухая, тяжёлая тревога.

— Оля, из Хабаровска звонили, — тихо, но прямо сказала Ирина Николаевна. — Отцу твоему опять плохо. Одышка сильная, сердце совсем нагрузку не держит. Местные врачи помочь не могут, разводят руками.

У Оли внутри всё оборвалось. Стены прихожей словно качнулись, а пальцы, державшие ляжку спортивной сумки, судорожно побелели. В горле мгновенно пересохло, и сквозь привычную маску послушного автомата наружу прорвался испуганный, беззащитный ребёнок.

— Папа?.. — Оля сделала шаг вперёд, её голос сорвался на шёпот, а в покрасневших от хлорки глазах заблестели слёзы. — Ирина Николаевна, мне надо к нему. Я я могу поехать в Хабаровск? Прямо сегодня, на вечернем поезде?

— Кравцова, стоять, — Ирина Николаевна жёстко, но бережно перехватила девочку за плечи, останавливая её. В её голосе не было злости — только суровая, отрезвляющая собранность старого тренера. — Послушай меня. В Хабаровске ты ничем ему не поможешь, только время потеряешь. Ему нужны не твои слёзы, ему врачи нужны столичные. Понимаешь меня?

Оля судорожно вздохнула, упрямо сглатывая слёзы, и посмотрела на тренера.

— Я сделаю всё, что смогу, — Ирина Николаевна чуть сильнее сжала её плечи, и её голос смягчился. — У меня в Москве остались старые связи в министерстве, ещё со сборной Союза. Там есть один великий профессор, кардиолог от бога — Павел Андреевич Вакулеев. Если кто-то в этой стране и способен вытащить твоего отца и пересобрать его сердце, то только он. Я добьюсь, чтобы его взяли в московскую клинику, Оля, лично подниму все контакты. Но для этого мы должны достучаться до самого верха. А чиновники слушают только тех, кто побеждает. Твои секунды на дорожке — это единственное, что у нас сейчас есть. Мы заставим их нас услышать. Ты меня поняла?

Оля медленно, тяжело кивнула. Паника отступила, превращаясь в тугую, злую дальневосточную решимость. Слова тренера не были сделкой — они стали для неё единственной соломинкой, за которую нужно было держаться мёртвой хваткой. Чтобы спасти отца, она была готова выжечь себя на воде до капли.

— Иди спать, — голос Ирины Николаевны прозвучал глухо, почти устало.

Оля молча прошла в свою комнату. Легла на кровать, не раздеваясь. Сжала в кулаке холодный трёхгранник отца. За окном всё так же выл декабрьский ветер. Где-то в Хабаровске папа сейчас лежал в больничной палате и, наверное, тоже не спал.

Она не сказала, что будет, если я не сделаю эти секунды.

Оля закрыла глаза. Завтра в 5:30 будильник зазвенит снова.

Глава 2

Глава 2. Проводник под водой

Знакомый ритмичный стук в передней стойке «Тойоты» сегодня казался Оле особенно громким. Этот дефект старой машины тренера она выучила наизусть, но сейчас он бил по нервам, как метроном. В салоне всё так же пахло японским велюром и терпким кофе из термоса. Ирина Николаевна молча вела машину сквозь сухую, морозную темноту владивостокской ночи. Декабрь стоял бесснежный, жёсткий, асфальт под колёсами казался голым и безжалостным.

Оля прижалась лбом к стеклу. Рука в кармане куртки привычно сжала холодный металл — маленький стальной трёхгранник на цепочке, который проводники используют для вагонных дверей. Это был подарок отца. Он работал на железной дороге и притащил его из депо.

Сжав этот ключ, Оля мысленно перенеслась в своё детство. Папа. Он всегда был таким — тихим, прячущим глаза, пахнущим мазутом и дешёвым табаком. В их доме на окраине Хабаровска его голос никогда не звучал громко. Всем заправляла мать. Её тяжёлые шаги по коридору, вечный стук кастрюль и командный тон держали в страхе всю семью. Мать не умела любить — она умела контролировать. Оля росла тихим, замкнутым ребёнком, стараясь лишней раз не привлечь к себе внимания и буквально вжимаясь в стены, когда мать была не в духе.

И когда Оле исполнилось десять, именно мать, заметив её вечную бледность и сутулость, молча собрала пакет с вещами. Никаких сантиментов не было — мать сухо постановила: «Надо поправить здоровье и укрепить позвоночник». Мнения Оли, разумеется, никто не спрашивал. Её просто привели в бассейн «Дельфин» и сдали в секцию, как вещь в камеру хранения.

В тот день Оля впервые увидела Ирину Николаевну. Тренер тогда показалась ей огромной, как скала. Громоподобный голос, эхо которого билось о кафельные стены, резкий запах хлорки и пронзительный, насквозь видящий взгляд. Ирина Николаевна не смотрела на детей — она их оценивала. Скользнула взглядом по робкой, худенькой Оле, которая испуганно втянула голову в плечи, и задержалась на её длинных руках.

— Порода есть, — отрезала она тогда матери. — Работать будет? Или сопли размазывать пришла?

— Будет, — сухо, чеканя слова, ответила мать и толкнула Олю вперёд, к бортику, даже не обернувшись на прощание.

Оля тогда дико испугалась. Вода показалась ей чужой, враждебной стихией, которая забивала рот и нос. Она начала тонуть, судорожно хватая ртом воздух, и умоляюще посмотрела на трибуны, где стоял папа. Он пришёл тайком, прятался за колонной, сжимая в руках засаленную кепку. В его глазах стояли слёзы жалости, он сделал шаг вперёд, готовый броситься на помощь дочери... но мать, сидевшая рядом, резко и больно дёрнула его за рукав назад. Папа послушно сжался, опустил голову и отступил в тень. Он не защитил её. Не смог.

И тогда над водой прогремел голос Ирины Николаевны:

— Кравцова! На меня смотри! Гребни, кому говорю! Вода слабаков топит, а сильных носит! Выплывай!

И Оля выплыла. Именно в те десять лет она поняла: если хочешь выжить, нельзя ждать помощи от папы. Нужно слушаться тренера. Для тихой Оли жёсткие, но понятные команды Ирины Николаевны стали спасением. В отличие от домашних придирок матери, здесь всё было честно: выполнила норматив — тебя не трогают. Оля быстро научилась отключать эмоции и превратилась в послушный автомат.

Перед глазами Оли снова встал перрон хабаровского вокзала. Отец тогда тайком от матери прибежал к поезду. Он не был неудачником — просто мягким, любящим человеком,

окончательно задавленным властной женой. Он сунул Оле в руку этот ключ и, испуганно оглядываясь на двери вагона, быстро-быстро зашептал:

— Олечка, дочка Ты только держись там. Этот ключик с моей работы носи с собой, пусть как талисман будет. Если совсем худо станет — сразу мне звони, я приеду, заберу, плевать на мать! Ирина эта она ведь шальная на своём спорте. Мне парень один с вашего «Дельфина» рассказывал, у неё в восьмидесятых Андрюшка занимался, пацан талантливый. Так она его заездила, штангой в зале замучила ради рекордов. Сломала парня. У него в спине хрустнуло что-то, позвоночник Инвалидом остался. Скандал был страшный, по партийной линии её знатно прижали, из сборной попёрли, она в наш Хабаровск от позора сбежала. Дочка, она же из тебя сейчас работа сделать хочет, чтобы перед краем оправдаться! Береги себя, маленькая моя

Оля тогда сглотнула подступивший ком. Мама дома кричала, что отец ничего не понимает в жизни и хочет лишить дочь великого будущего. В тринадцать лет Олю передали тренеру.

Оля открыла глаза. Владивостокская темнота за стеклом автомобиля послушно качнулась, стирая образ хабаровского перрона.

«Тойота» жёстко затормозила у спорткомплекса «Олимпиец». Пока они ехали, ночь успела налиться предрассветной синевой. Огромное, монументальное здание из тёмно-коричневого кирпича величественно возвышалось на фоне светлеющего неба над Амурским заливом. Заглушив мотор, Ирина Николаевна повернулась к Оле. Её взгляд в полумраке салона снова стал тем самым — скалистым, не терпящим слабости.

— Приехали, Кравцова. Выходи. Сегодня работаем на пределе.

Они вошли внутрь через служебный вход. Сначала была сухая разминка в зале. Оля в плотном спортивном костюме и кроссовках послушно гнулась, растягивала мышцы и крутила тяжёлый медицинский мяч. Ирина Николаевна ходила рядом. Её шаги эхом отдавались от стен, а в руке тускло поблескивал металлический секундомер. Она не кричала — она просто требовала идеального автоматизма.

А потом был выход к воде. И вот здесь весь страх отступал.

Большая пятидесятиметровая чаша бассейна «Олимпийца» была для Оли не врагом, а единственной отдушиной. Огромные витражные окна уже ловили первые лучи зимнего солнца. Вода для тренировок держалась профессиональная — бодрящие, жёсткие двадцать пять градусов, от которых у новичков сводило зубы. Но Оля настолько привыкла к этим дорожкам, что для неё эта гладь казалась ласковой, обволакивающей и тёплой, как Японское море в солнечном августе.

Оля поправила очки, спрятала волосы под резиновую шапочку и поднялась на стартовую тумбочку. Пальцы ног привычно уцепились за шершавый край. Снизу на неё смотрела родная, принимающая стихия, а за спиной раздался резкий, сухой щелчок тренерского свистка.

Оля толкнулась и полетела вниз.

Мир вокруг мгновенно изменился. Как только уши скрылись под водой, все звуки внешнего мира исчезли. Пропал сухой голос Ирины Николаевны, растворился резкий, пронзительный свисток тренера, который на суше бил по барабанным перепонкам. В воде спортсменов не слышит никого. Здесь, в глубине олимпийской дорожки, Оля наконец-то была предоставлена самой себе.

Вода держала её, делая невесомой. Строгие законы тренера тут не работали — здесь Оля снова становилась той самой девочкой, которая тайно мечтала о балете. Её гребки, скольжение тела, повороты у бортика — всё это под водой превращалось в её личный, невидимый никому танец. Вода была её добрым другом, укрытием от жёсткого прессинга старой женщины, стоявшей там, наверху, на суше, со своим вечным секундомером. На глубине Оля была абсолютно свободна. Она плыла свой первый километр, чувствуя, как водная гладь ласкает лицо.

Тяжёлая двухчасовая тренировка пролетела как один миг. Оля тяжело дышала, держась за прорезиненный бортик и поджав под себя ноги в бурлящей воде. Ирина Николаевна ждала

её на суше, вытирая секундомер краем махрового полотенца. В её глазах уже не было утренней ярости — только глубокая, вьевшаяся усталость.

— Вылезай, Кравцова. Переодевайся и зайди ко мне в тренерскую, — сухо бросила она.

Через двадцать минут Оля, пахнувшая хлоркой, с влажными волосами под шерстяной шапкой, робко постучала в крашеную деревянную дверь. Ирина Николаевна сидела за столом, заваленным советскими журналами «Плавание» и пухлыми папками с нормативами. Перед ней дымился стакан чая в подстаканнике.

— Садись, — тренер кивнула на свободный стул. Она дождалась, пока Оля опустится на край, и заговорила тихо, без привычной командной стали в голосе. — Я созвонилась с Москвой. Напрягла всех, кого могла. Профессор Павел Андреевич Вакулеев согласился взять твоего отца. Лично сделает операцию.

У Оли внутри испуганно затрепетала надежда. Она подалась вперёд:

— Ирина Николаевна Когда? Мне нужно

— Сиди, — резко оборвала тренер, но тут же смягчилась. — Раньше осени две тысячи первого года не получится. У Вакулеева всё расписано на год вперёд, к нему со всего СНГ очередь стоит. Я это место зубами вырвала, Оля. Буквально втиснула твоего отца между какими-то министерскими чиновниками. До осени он будет под постоянным наблюдением хабаровских врачей, лекарства я ему вышлю через свои каналы. На операцию его доставят спецрейсом. Павел Андреевич пообещал, что сам лично заберет твоих родителей прямо от борта самолёта. Но ты помнишь наше условие?

Оля молча кивнула. Сглотнула сухой ком в горле.

— Твоя задача — пахать, — Ирина Николаевна посмотрела на неё в упор своим скалистым взглядом. — На весеннем чемпионате края ты должна быть первой. Министры должны увидеть твой результат до того, как Вакулеев подпишет окончательные бумаги на госпитализацию. Сделай секунды — и отец будет жить. Свободна.

Оля вылетела из тренерской, даже не взглянув на Ирину Николаевну. Хлопнула дверь, и эхо гулко ударило по пустому коридору. Она бежала. Не шла, не семенила, а именно бежала, срываясь с места, как со стартовой тумбочки. Кроссовки гулко стучали по кафельному полу, дыхание рваными толчками вырывалось из груди.

Она ничего не соображала. Перед глазами стоял только папа — его испуганный взгляд на перроне, трясущиеся руки, когда он вкладывал в её ладонь холодный трёхгранник. И голос матери, отдающий приказ за приказом. В голове гудело: «Осень две тысячи первого», «Операция», «Сделай секунды».

Бежать. Просто бежать.

Она толкнула дверь на улицу, даже не сбавляя скорости. Ударил плечом тяжёлую створку, вылетела под ледяной ветер, и тот сразу обжёг лицо, намотанные под шапку мокрые волосы тут же начали замерзать сосульками. Но Оля не остановилась. Она пробежала ещё несколько шагов по скользкому асфальту, пока не упёрлась руками в капот старой «Тойоты».

Глава 3

Глава 3. Время Лёли

В Москве этот декабрьский день начинался совсем по-другому. Здесь не было ледяного ветра с океана, только пушистый новогодний снег тихо ложился на ветки деревьев в старом филёвском дворе. Да и стрелки часов показывали совсем иное время.

На прикроватной тумбочке бесшумно замигал экран ультрасовременного электронного будильника. 09:30.

Ольга нехотя открыла глаза и потянулась под тяжелым, уютным одеялом. Ноги после вчерашней вечерней дискотеки на школьном новогоднем вечере гудели так, словно она пешком обошла всю Москву. С кухни доносился едва уловимый, домашний запах свежей выпечки с корицей — верный знак того, что сегодня суббота, и спешить вообще никуда не нужно.

Дверь в комнату тихо приоткрылась, но вместо мамы на пороге показался высокий силуэт отца. На ходу завязывая пояс домашнего халата, он подошел к кровати и с легкой усмешкой потянул за край одеяла.

— Ну что, гулёна, подъем, — негромко, чтобы не услышала мама на кухне, пробасил он. — Часы двенадцать бьют, а наша главная семейная ценность всё еще в бегах от реальности?

Оля высунула нос из-под подушки и заговорщически улыбнулась. С Павлом Андреевичем ей всегда было проще, чем с правильной, любящей порядок матерью, Еленой Борисовной. Отец мог казаться жестким и резким с чужими людьми, но с ней он становился совсем другим.

— Пап, ну имей совесть, — прошептала она, садясь на кровати и потирая глаза. — Мы только в час ночи из школы ушли. Директор лично проверял, чтобы все по домам разошлись, а ты меня в такую рань поднимаешь.

— В час, говоришь? — Павел Андреевич присел на край постели и хитро прищурился. — А мне мать доложила, что ключи в замке повернулись без пятнадцати два. Ладно, твой секрет под надежной охраной. Но если сейчас не встанешь, мама со своими пирожками устроит нам обоим разбор полетов за нарушение семейного режима.

Оля тихо засмеялась, чувствуя, как уходит ночная усталость. С отцом можно было не притворяться «правильной девочкой». Он понимал её без лишних слов.

— Ладно, сдаюсь, — Лёля спустила ноги на паркет и потянулась к халату. — Только чур, ты защищаешь меня от маминых расспросов, кто меня провожал.

— А кто тебя провожал? — спросил отец и громко засмеялся. Он поднялся и подмигнул ей: — Договорились. Марш умываться, я пока займу круговую оборону на кухне.

Лёля быстро умылась, натянула любимый теплый свитер и вышла на кухню. Мама как раз доставала из духовки вторую порцию румяных, пышных пирожков, а на столе в фарфоровых чашках уже дымился свежесваренный ароматный кофе. Отец, подмигнув дочери, аккуратно складывал утреннюю прессу. За столом не было допросов — мама лишь мягко пожурила её за поздний приход, а отец тут же перевел разговор на главное.

— Так, девчонки, — басовито произнес он, делая глоток кофе. — Хватит сидеть в четырех стенах. До Нового года неделя, на улице погода сказочная. Собираемся и едем в центр. Лёлька, покупаем тебе то зимнее пальто, которое ты присмотрела, а потом — гулять.

Через час их тяжелый черный внедорожник уже уверенно пробивал дорогу сквозь легкие предновогодние пробки в сторону Красной площади. Москва конца девяностых на пороге миллениума бурлила. Тверская и Охотный Ряд были залиты яркими огнями рекламы, витрины магазинов сверкали, а из уличных динамиков доносились праздничные мелодии.

Они оставили машину и пошли пешком к ГУМу. Отец шел чуть впереди, уверенно прокладывая дорогу сквозь толпу, крепко держа маму за руку под локоть. Лёля шла рядом, подставляя лицо падающим крупным хлопьям снега, и улыбалась.

Сначала они зашли в пассаж за тем самым пальто. Отец без колебаний оплатил покупку для дочери. Но на этом предновогодние жесты не закончились. Напротив бутика светилась вывеска ювелирного, и отец, перехватив взгляд мамы, решительно потянул её туда, чтобы выбрать украшение. А когда на выходе из пассажа Лёля застыла у витрины с красивым, пушистым белым шарфом, отец лишь понимающе усмехнулся.

— Держи, гулёна, — улыбнулся он, накидывая ей мягкий шарф поверх обновки прямо у кассы. — К пальто в самый раз. В новый век нужно входить красивой.

Лёля обняла отца, уткнувшись носом в его колючую от мороза дубленку, и поймала ласковый, счастливый взгляд мамы. В этот момент, окруженная теплом, светом и безграничной родительской любовью, Лёля чувствовала себя под абсолютной защитой. Весь этот сияющий праздничный мир принадлежал ей, и казалось, что так будет всегда. Она была центром этой маленькой вселенной, где сильные руки отца могли оградить её от любой беды.

— Пап, у меня тут встреча в кафе с подружками! — Лёля отстранилась и быстро попрала шапку. — Я побежала!

— Да куда ты, модница? — Павел Андреевич добродушно покачал головой, но удерживать дочь не стал. Он крепко поцеловал её в лоб и легонько подтолкнул к выходу. — Ладно, беги. Только к ужину чтобы дома была как штык. Город перед Новым годом сумасшедший.

— Буду, папочка! — Лёля просияла, выскочила из ГУМа и вихрем бросилась к метро.

В залитом ярким полуденным солнцем кафе на углу Дорогомиловской её ждал совсем не девичник. За дальним столиком у окна, лениво перебирая пальцами по белоснежной скатерти, сидел Глеб. Вихрастый, дерзкий, ненадежный — он весь состоял из уличной свободы, которая так пугала Елену Борисовну и так отчаянно манила Лёлю. На его потертой косухе всё ещё таяли капли свежего декабрьского снега.

— Привет, отличница, — Глеб улыбнулся своей привычной, немного наглой улыбкой и сразу вытащил из-за спины небольшой бумажный сверток, небрежно подвинув его по столу. — Держи. С Новым годом, Лёлька. Кое-как нашел в ГУМе то, что ты хотела.

Лёля нетерпеливо развернула обертку. На ладонь легли тонкие, белоснежные перчатки. Она восхищенно выдохнула, прижав их к щеке.

— Глеб... они идеальные! Спасибо!

— Да ладно, чего там, — Глеб наигранно фыркнул, но по его глазам было видно, что ему приятен её восторг. — У пацанов на базе еле отмазался, сказали, что я совсем ополоумел с этими подарками.

Лёля оглянулась на полупустой зал, залитый дневным светом, быстро подалась вперед и украдкой, обжигаяще горячо поцеловала его в губы, пахнущие табачным дымом и зимней улицей. Глеб перехватил её руку, крепко сжав пальцы под столом.

— А помнишь вчерашнюю дискотеку? — Лёля тихо рассмеялась, вспоминая их грандиозный новогодний вечер. — Как мы танцевали? И как потом бросились наутек по темной лестнице, когда в коридоре застучали каблуки завуча? Я думала, у меня сердце выскочит!

— Завуч у нас старая, она бы нас в темноте не догнала, — хмыкнул Глеб, притягивая Лёлю ближе к себе. — Но лицо у неё, когда она нас провожала, было знатное. Она точно поняла, что в зале кто-то был, только доказать ничего не может. Наш танец она точно пропустила.

Они сидели у окна, сквозь которое пробивалось яркое зимнее солнце, и Лёля чувствовала себя абсолютно, оглушительно счастливой. Её жизнь была идеальной.

Мир застыл на пороге миллениума, и Лёля была уверена, что эта новогодняя сказка никогда не закончится.

Она ещё не знала, что этот предновогодний вечер — одна из последних спокойных точек в её привычной жизни. И что пока она наслаждается жизнью, на другом конце страны её ровесница Ольга упрямо режет воду в пустом бассейне Владивостока, подчиняясь безжалостному свистку.

Глава 4

Глава 4. Тайны новогоднего бала

Вернувшись из центра, Лёля сразу ушла к себе, а мама в гостиной аккуратно разбирала новогодние покупки. Праздничный вечер прервал резкий телефонный звонок. Павел Андреевич снял трубку, коротко выслушал Дениса — молодого интерна и сына их давних семейных друзей — и тут же потянулся за пальто. В клинику привезли тяжёлого пациента, требовалась срочная операция. Мама закрыла за ним дверь и тихо вздохнула. В их семье врачебная жизнь никогда не считалась с выходными.

Это была настоящая потомственная династия. По материнской линии Лёли все мужчины отдавали себя медицине, а её дед, профессор Вакулеев, и вовсе был легендарным, известным на весь Союз исследователем в мире кардиологии. Именно дед Лёли на закате советской эпохи заложил теоретическую базу и начал первые секретные разработки уникального кардиорегенеративного вещества, способного защитить разрушающийся миокард. Павел Андреевич глубоко уважал медицинские заслуги семьи своей жены, бережно хранил эти архивные черновики в своём кабинете и свято верил, что дочь продолжит этот великий путь, вдохнув новую жизнь в дедовскую формулу КРВ.

Пока отец радовался её отличным оценкам по химии, биологии и остальным предметам, полагая, что дочь готовится к поступлению в медицинский, Лёля вовсю разворачивала свои организаторские таланты в школе. Лёлька была круглой отличницей, шла на золотую медаль, и этот системный ум помогал ей во всём.

Тот самый новогодний вечер был от и до придуман и собран её руками. Пятнадцатилетняя Лёля сама нашла поддержку среди родителей, составила план мероприятий, выбила у завуча разрешение на дискотеку до часу ночи и жёстко координировала одноклассников. Родители лишь добродушно списывали это на обычную школьную активность, не замечая, что за этой деловой хваткой скрывался секрет. Лёля была по-подростковому отчаянно и романтично влюблена в своего одноклассника Глеба — вихрастого гитариста и главного школьного бунтаря. Весь этот грандиозный вечер затевался ради одной цели: станцевать с Глебом под медленную песню в самом конце дискотеки. И именно Глеб провожал её вчера до самого подъезда филёвского дома.

Едва за отцом закрылась входная дверь, в Лёлиной комнате тихо затрещал сотовый. Она мгновенно вытащила его из-под подушки и прижала к уху, сдерживая счастливое дыхание.

— Алло, Глеб? — прошептала она, косясь на дверь.

— Привет, — раздался в трубке хриловатый, улыбающийся голос. — Твой строгий отец меня не пристрелит за поздний звонок?

— Он только что уехал на срочную операцию, так что мы в безопасности, — Лёля вернулась в одеяло, глупо улыбаясь в темноту. — Спасибо за вчерашнее. Перчатки просто волшебные. Белоснежные, мягкие

— Тебе идёт белый цвет, — тихо ответил Глеб, и на том конце провода послышался лёгкий перебор гитарных струн. — С наступающим тебя. Скоро миллениум. В новом веке мы обязательно будем вместе, поняла?

— Поняла, — выдохнула она, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле.

Мама в это время присела у стола в гостиной и улыбнулась, вспомнив один случай семилетней давности, когда жёсткая целеустремлённость её дочери проявилась впервые. Это было лето на даче в Подмосковье. Восьмилетняя Лёлька тогда спасла соседского Ваньку, который перелетел через руль велосипеда и сильно рассек колено. Лёля не испугалась, тайком утащила перекись и бинт и совершенно спокойным, точным движением заливала рану перекисью.

Отец тогда, узнав об этом, громко хохотал: «Наша порода, готовый хирург растёт». Но эта черта в итоге сыграла против семейной традиции. Лёля наотрез отказалась продолжать династию Вакулеевых. Белые халаты её не привлекали. На пороге нового века она мечтательно заявляла, что хочет стать крутым и преуспевающим менеджером в какой-нибудь крупной компании. И переубедить её было невозможно.

Мама вздохнула и подошла к окну. За стеклом крупными хлопьями падал мягкий филёвский снег, укрывая припаркованные во дворе машины. Из комнаты Лёли доносился тихий шёпот — она всё ещё говорила по телефону. Позади оставались тяжёлые девяностые, а впереди искушающе сверкали огнями таинственный новый век.

Материнское сердце подсказывало, что её девочке ещё придётся столкнуться с миром, который невозможно просчитать в бизнес-планах. С миром, где отцовские возможности окажутся бессильны. Прямо сейчас в Москве царил предновогоднее тепло. Мир застыл на пороге миллениума, отсчитывая последние дни до грандиозного излома времени.

А в это самое время в операционном блоке клиники кардиологии гасли тяжёлые бестеневые лампы.

Павел Андреевич устало стянул с лица медицинскую маску, покрытую каплями пота, и тяжело выдохнул. Операция, длившаяся четыре часа, была окончена. Сердце пациента, за которое они боролись, наконец-то поймало ровный, послушный синусовый ритм.

— Ну что, Дениска, с боевым крещением тебя, — Павел Андреевич ласково, по-отцовски приобнял за плечо молодого интерна, который стоял рядом, бледный от напряжения и переполнявшего его восторга. — Ассистировал сегодня безупречно. Рука твёрдая, глаз зоркий. Весь в отца пошёл. Ладно, идём ко мне в кабинет, попьём чаю. Отдохнуть надо.

В кабинете профессора пахло старыми медицинскими книгами и мебельным лаком. Павел Андреевич опустил в кресло, посмотрел на Дениса, который уже потянулся к чайнику, и вдруг профессор добродушно усмехнулся:

— Да брось ты этот чай, Дениска! За такой день и за такие новости конвейерного Цейлона мало. Тут коньяка не грех выпить. А ну-ка, лезь в шкаф, неси фужеры.

Профессор подошел к тяжелому сейфу в углу. Щёлкнул замок, и на рабочий стол легли объёмные папки с пожелтевшими от времени архивными листами, исписанными мелким, убогим текстом. Денис бережно поставил на стол два хрустальных фужера, и Павел Андреевич щедро плеснул в них янтарную жидкость.

— Смотри, Дениска, — тихо, с благоговением произнёс профессор, погладив ладонью обложку. — Я ведь выполнил то, что обещал. Поднял все архивные наработки своего тестя, великого академика Вакулеева. Те самые первые секретные черновики КРВ-модулятора, которые он не успел дописать перед смертью. И у меня для тебя грандиозная новость.

Денис замер с фужерами в руке, боясь шелохнуться.

— Министерство дало мне официальное разрешение на дальнейшие клинические исследования, — Павел Андреевич победно улыбнулся, и в его глазах загорелся фанатичный огонь истинного учёного. — Мы доведём дело Вакулеева до конца, Дениска. Мы создадим это лекарство.

Денис замер, чувствуя, как внутри всё сжалось от отчаянной, робкой надежды. Он был без ума от этих исследований, но как простой интерн даже не смел надеяться, что профессор Вакулеев позовёт его в проект такого уровня. Парень затаил дыхание, боясь услышать, что для лаборатории наймут именитых столичных доцентов, а его оставят за бортом.

Но следующие слова Павла Андреевича мгновенно развеяли все опасения Дениса.

— И это ещё не всё, — профессор победно улыбнулся, приподняв свой фужер. — Я нашёл спонсоров. Какие-то очень крутые ребята из новых холдингов, денег у них немерено. Они выделяют колоссальные средства и строят под нас идеальную, ультрасовременную лабораторию. Прямо там, где сейчас возводят эти гигантские башни «Москва-Сити». Новейшее

немецкое оборудование, полная независимость. И руководить всей исследовательской группой мы будем вместе. Ты — мой главный преемник, Дениска. Я без тебя этот КРВ-модулятор даже запускать не стану.

Он помолчал, и его голос стал тише, серьезнее:

— И ещё, Дениска. Ты должен знать. Я уже три месяца даю Елене Борисовне микродозы КРВ. Показатели держатся, но это временно. Нам нужно закончить исследования как можно быстрее. Её сердце ждать не может.

Денис сглотнул подступивший к горлу ком, судорожно сжав ножку хрустального фужера.

— Спасибо, Павел Андреевич. Я даже не знаю, как — искренне пробормотал парень, чувствуя, как от масштаба перспектив кружится голова.

— Мне-то за что? Ты парень толковый, честный, — Вакулеев мягко, по-отцовски приобнял его за плечи и заговорщически подмигнул. — Да и вообще, пора уже привыкать к масштабам. Я ведь, Дениска, не просто в лабораторию тебя беру. Я очень надеюсь, что ты скоро в нашей семье совсем своим человеком станешь. Зятем моим будешь. Лёлька у меня девка золотая, умница, а ты — единственный мужчина, которому я готов её доверить. Давай, за наше будущее лекарство и за нашу семью. До дна.

Хрусталь тихо звякнул в полумраке кабинета. Молодой интернпил терпкий, обжигающий коньяк, чувствуя, как по телу разливается глухое, оглушительное счастье. Ему казалось, что эта ослепительная московская ночь принадлежит им двоим, а впереди — только победы, признание и большая, чистая любовь, которую профессор так легко и благосклонно ему пообещал.

Денис улыбался, глядя на янтарные капли на дне фужера, и совершенно не замечал, как за тёмным стеклом больничного окна, над строящимися бандажами далёкого Москва-Сити, лениво кружатся первые тяжёлые хлопья мокрого декабрьского снега. Мир застыл на пороге миллениума, ослеплённый праздничными огнями, и послушно отсчитывал последние часы до грандиозного, безжалостного излома времени.

Глава 5

Глава 5. Излом

ТУК ТУК ТУК

В кардиологии этот звук называют синусовым ритмом. Ровные, послушные удары здорового человеческого сердца. Автоматическая система, которая обязана работать без сбоев. Но любая, даже самая надёжная система уязвима, когда в неё вмешивается внешняя, непреодолимая сила.

ТУК ТУК ТУК

Этот звук теперь рождался не в груди, а в недрах электронного монитора отделения реанимации. Зелёная ломаная линия на экране послушно прыгала вверх и вниз, отсчитывая минуты.

В стерильной, пахнувшей лекарствами тишине палаты у постели Павла Андреевича застыл Денис Игоревич. Совсем молодой, бледный от напряжения врач-кардиолог не отрывал взгляда от приборов. Его пальцы до боли сжимали планшет с историей болезни.

Денис Игоревич чувствовал себя совершенно беспомощным. Он смотрел на осунувшееся лицо профессора, и его душил глухой, панический страх. Все те годы, что Денис зубрил латынь, сдавал анатомию и сутками пропадал на кафедрах, казались ему сейчас бесполезной бумажной теорией. В учебниках всё было просто. Там были схемы, дозировки и чёткие алгоритмы. А здесь, в стерильной тишине реанимации, перед ним лежал человек, который знал о сердце абсолютно всё. Светило кардиологии, перед которым трепетали доценты. И это светило сейчас уходило, а Денис — мальчишка в накрахмаленном белом халате — ничем не мог ему помочь. Его знаний катастрофически не хватало. Руки мелко дрожали. Денис судорожно перебирал в голове варианты, вспоминал лекции, но приборы бесстрастно фиксировали, что ломаная зелёная линия неумолимо превращается в прямую. Самое страшное было осознавать, что прямо сейчас на его глазах рушится вселенная. Учитель, который казался Денису бессмертным богом медицины, умирал, и вся хвалёная московская профессура вместе с новейшими аппаратами ИВЛ была бессильна против этой искореженной на МКАДе реальности.

Денис Игоревич быстрым шагом вышел в коридор реанимационного отделения, чтобы позвать дежурного реаниматолога, и в этот момент тяжёлые двери с грохотом распахнулись. В коридоре появились Лёля и Глеб — они только что узнали об аварии и мчались сюда со всех ног, задыхаясь от ужаса. Лёля была бледной как мел, её пальцы судорожно вцепились в рукав куртки Глеба, который упрямо вёл её вперёд сквозь пытавшихся их остановить медсестёр.

Денис преградил им путь, жёстко упершись ладонью в грудь Глеба.

— Куда прёшь? Назад! Сюда нельзя, это реанимация! — глухо, но яростно прошипел Денис, сверкнув глазами.

— Руки убрал от меня, доктор хренов! — Глеб дёрнул плечом, наступая на Дениса и закрывая собой Лёлю. — Там её отец лежит, пропусти её, слышишь ты?!

— Ей там делать нечего! Ты соображаешь своей головой, куда ты её притащил? — Денис не отступил ни на сантиметр, его голос дрожал от сдерживаемого напряжения. — Там стерильный бокс, идёт борьба за жизнь! Убери её отсюда, уличный ты придурок!

— Папа! Папочка! — Лёля билась в руках Глеба, пытаясь прорваться к стеклу палаты. — Денис,пусти меня, пожалуйста,пусти!

В этот момент из дверей выбежала Елена Борисовна. Лицо матери было серым, выплывшим, она едва держалась на ногах. Увидев дочь, она вскрикнула и бросилась к ней.

— Лёля! Доченька моя! — Елена Борисовна мёртвой хваткой вцепилась в Лёлю, увлекая её назад, вглубь коридора, подальше от страшных дверей бокса. — Лёлочка, маленькая моя, не надо туда, не смотри Глеб, держи её, господи, держи

Два парня так и остались стоять друг против друга. Глеб тяжело дышал, не опуская кулаков, а Денис, тяжело вздохнув, повернулся спиной к коридору и прижался лбом к холодному стеклу бокса.

Гребок, гребок, поворот, тишина и спокойствие воды.

В эти же секунды во Владивостоке пятидесятиметровая дорожка «Олимпийца» обнимала вторую Ольгу своим привычным, обволакивающим теплом. Свисток Ирины Николаевны остался где-то там, на далёкой суше, а здесь, на глубине, Оля наконец-то могла побыть наедине со своими мыслями. Вода дарила ей покой, и каждый размеренный вдох-выдох превращался в безмолвную молитву. Она думала о родителях. Они ведь только вчера улетели в Москву. Прежде чем сесть на самолёт, они специально приехали к ней во Владивосток, чтобы обнять и благословить. Отец выглядел бледным, тяжело дышал, и Оля знала страшный диагноз, который врачи обсуждали шёпотом: синдром прогрессирующей сократительной деструкции миокарда. Сердце отца отказывало, клапан практически не работал, и перелёт в Москву к знаменитому профессору Вакулеву был их последним, отчаянным шансом на спасение.

Оля вспомнила, как перед самым отъездом, прямо у входа в спорткомплекс, она вернула отцу тот самый стальной трёхгранный ключ, который он когда-то подарил ей на хабаровском перроне. «Забери его с собой, пап, — прошептала она тогда, вкладывая холодный металл в его слабую ладонь. — Он помог мне выиграть не одно соревнование, он приносил мне победу на каждой дорожке. Это самый сильный талисман. Он теперь тебе нужнее, он обязательно поможет, и твоё сердце починят». Отец тогда улыбнулся и спрятал ключ в карман куртки. Оля верила, что в эту самую минуту московские светила кардиологии уже творят чудо, и её талисман бережёт отца на операционном столе.

Она сделала очередной мощный гребок, коснулась бортика и вынырнула, тяжело переводя дыхание. Оля поправила очки, и в то же мгновение над её головой раздался резкий, укоризненный голос Ирины Николаевны. Тренер стояла на бортике, скрестив руки на груди, и недовольно щёлкала секундомером.

— Кравцова, ты что, спишь в воде? — сухо отрезала женщина, сверху вниз глядя на девочку. — На три десятых хуже твоего обычного времени. Где концентрация? Опять в облаках витаешь?

— Ирина Николаевна, я просто я про родителей думаю, — тихо ответила Оля, держась за разделительную дорожку. — Они ведь сейчас в Москве, у папы операция

— Твои родители взрослые люди, без тебя разберутся, — равнодушно оборвала её тренер, даже не изменившись в лице. — Их отъезд — не повод срывать тренировочный план. Твоё дело — резать воду и давать результат, а не размазывать сопли по бассейну. У них своя жизнь, у тебя — своя. Если Павла Андреевича Вакулеву называют лучшим, значит, починит он твоего отца. А вот тебя никто не починит, если ты форму растеряешь. А ну-ка, марш на исходную. Ещё два километра вольным стилем. Живее!

Оля сглотнула обиду, натянула очки и уже приготовилась уйти под воду, как вдруг тишину огромного зала «Олимпийца» прервал пронзительный, громкий телефонный звонок. Стационарный аппарат на столе дежурного у бортика разрывался отчаянными, частыми гудками. Ирина Николаевна раздражённо нахмурилась и пошла к столу.

Оля осталась у бортика, лениво подрабатывая ногами и глядя на тренера. Ирина Николаевна сняла тяжёлую чёрную трубку.

— Да. Бассейн «Олимпиаец», слушают вас, — резко бросила она.

В следующую секунду её прямая, стальная спина будто слегка просела. Оля никогда не видела, чтобы Ирина Николаевна менялась в лице, но сейчас тренер медленно опустила руку с секундомером. Металлический прибор глухо стукнул о деревянную столешницу. Женщина молчала почти минуту, только её бледные губы сжались в тонкую нитку, а пальцы мёртвой хваткой вцепились в телефонный провод.

— Поняла — её голос вдруг стал непривычно тихим, осипшим. — Оpozнание?.. Да. Я привезу девочку. Спасибо.

Она медленно положила трубку на рычаг и несколько секунд стояла спиной к бассейну, глядя в огромный витраж, за которым расстилался в ярких красках Амурский залив. Оля почувствовала, как внутри всё сжалось от нехорошего, липкого предчувствия.

Ирина Николаевна повернулась. Её лицо снова было каменным, но взгляд взгляд изменился. Она подошла к самому краю бортика, опустилась на одно колено перед Олей и протянула руку. Её сухие, жёсткие пальцы коснулись мокрого плеча девочки. Это было первое ласковое движение за все годы их тренировок — непривычное, неуклюжее, но от этого ещё более страшное.

— Вылезай, Оля, — негромко, без тени привычной стальной резкости произнесла она. — На сегодня тренировка окончена. Иди в душ, одевайся теплее Нам нужно ехать.

Оля смотрела на неё снизу вверх, боясь задать главный вопрос. Ей не нужны были слова. По этому первому, скупому и неловкому проявлению чужого сочувствия шестнадцатилетняя спортсменка Кравцова поняла, что её счастливое детство только что утонуло на дне этой пятидесятиметровой дорожки.

Она ещё не знала, что тяжёлый внедорожник Павла Андреевича превратился в грудку металла на МКАДе. Она не знала, что её родители погибли мгновенно, а стальной трёхгранник сейчас лежит в пакете с вещами покойных в подвале московского морга. И что прямо сейчас за стеклом столичной реанимации ТУК ТУК

Линия на мониторе внезапно дрогнула. Денис Игоревич резко развернулся к приборам, чувствуя, как внутри всё леденеет. Зелёный зигзаг стал ленивым, растянутым, словно уставшая пружина. Лёля в коридоре закричала и рванулась к двери бокса, но Глеб удержал её, прижимая к себе и понимая, что происходит самое страшное.

— Павел Андреевич — тихо, одними губами позвал молодой врач, зная, что учитель его не слышит.

В этот дождливый осенний вечер 2001 года две шестнадцатилетние девочки в одну секунду лишились всего. Для московской Лёли этот предсмертный писк монитора в отцовской реанимации навсегда похоронил даже мысль о том, чтобы связать свою жизнь с медициной.

Звук прибора стал ровным и невыносимо долгим.

Пи-и-и-и

Глава 6

Глава 6. Талисман

Солнце в тот октябрьский день светило ослепительно, почти жестоко. Небо над Подмосковьем выцвело до прозрачной, ледяной синевы, а сухой воздух был таким чистым, что каждый звук на кладбище казался оглушительным. Золотая листва берёз горела на этом свете, создавая фальшивое, праздничное ощущение, которое только сильнее резало по нервам.

Шестнадцатилетняя Ольга Кравцова стояла у края двух свежих могил. Яркие лучи безжалостно высвечивали сухую, комковатую жёлтую глину и чёрные лакированные борта гробов. В Хабаровске у них не было ни близких, ни родственников. В Москве жила троюродная тётка по материнской линии, к которой они изначально и планировали поехать, но и та, словно по какому-то роковому совпадению, померла прямо перед их прилётом. Везти тела обратно на Дальний Восток было некому и не на что, поэтому две одинокие могилы выросли здесь. Профессора Павла Андреевича Вакулеева хоронили на другом, элитном московском кладбище, где в эти же минуты собиралась вся медицинская профессура столицы.

Оля зажмурилась от резкого солнечного света. Её лицо онемело, а в глазах застыло глухое, стеклянное безразличие. Ирина Николаевна стояла чуть позади, как чёрное каменное изваяние. Её стальная, прямая тень ложилась прямо на плечо девочки, словно фиксируя её, чтобы та не упала на эту сухую землю.

Профессора Павла Андреевича Вакулеева хоронили на элитном московском кладбище. Здесь было многолюдно, пафосно и тошнотворно.

Лёля стояла у свежей могилы отца, сжимая в кулаке край чёрного платка. Ей было нечем дышать.

— Денис, — сказала она, не глядя на него. — Я не могу здесь больше. Увези меня.

— Куда?

— Туда. К ним. К её родителям. Она там одна.

— Зачем?

— Потому что я должна. Из-за них...

Он не стал спорить. Они пошли к выходу.

Им навстречу двигалась странная процессия. Люди в чёрных костюмах, с бритоголовыми затылками и бычьими шеями. Они несли венки — тяжёлые, массивные, чёрные ленты в лучах яркого солнца казались ещё более зловещими, чем их лица. Не скорбь, не память — только показная, злая сила. Они не шли — они переставляли ноги, как механизмы.

Впереди шагал человек — седая голова и щетина, тяжёлый взгляд. В нём не было ни горя, ни уважения — только власть. Страшная, безликая, чужая.

Лёля вздрогнула.

— Кто это?

— Не знаю, — Денис ускорил шаг, уводя её к машине. — И знать не хочу.

Они сели в автомобиль и уехали, оставив позади кладбище, отца Лёли и эту страшную, страшную процессию.

Другое кладбище встретило их тишиной.

Лёля упрямо шла по сухой траве к двум одиноким холмикам, у которых осталась только одна — вся в слезах девчонка в спортивной куртке.

Они остановились друг напротив друга. Две шестнадцатилетние Ольги, в один день потерявшие всё. Солнце золотило Олины растрёпанные волосы и высвечивало покрасневшие от хлорки глаза. В руках хабаровской Оли что-то тускло поблескивало, ловя резкий солнечный зайчик. Она медленно разжала кулак. На её ладони лежал маленький стальной железнородож-

ный трёхгранник на цепочке. Тот самый, который спасатели достали из кармана её погибшего отца.

Лёля сделала шаг вперёд, собираясь что-то сказать, но Кравцова опередила её. Взгляд хабаровской пловчихи внезапно вспыхнул такой яростной, дикой болью, что Лёля отшатнулась.

— Зачем ты пришла? Посмотреть на то, что натворил твой отец?! — голос Оли сорвался на глухой, дрожащий крик. Из её глаз брызнули слёзы, которые она тут же зло размазала по лицу. — Твой папаша... великий доктор! Он вызвался их встретить! Если бы он не погнал свой чёртов внедорожник по встречке, если бы он не устроил эту жуткую аварию на МКАДе, мои мама и папа были бы живы! Они на операцию летели, понимаешь ты?! А твой отец убил их! Он их просто уничтожил!

Лёля застыла, глотая воздух ртом. Слова Кравцовой били наотмашь. Она ничего не знала про детали аварии — мать берегла её и скрывала, что Павел Андреевич в туманную ночь не справился с управлением.

— Мой папа вёз этот ключ мне... Это был мой талисман! Он помогал мне выигрывать! — Оля в сердцах замахнулась и с силой швырнула стальной трёхгранник прямо под ноги Лёле. Металл со звоном ударился о сухую землю.

Лёля опустила взгляд на упавший в пыль ключ, чувствуя, как земля уходит у неё из-под ног. Она хотела закричать в ответ, защитить отца, но Ирина Николаевна уже жёстко, непреклонно перехватила Кравцову за плечи и потянула назад, к выходу с кладбища.

— Хватит, Оля. Замолчи. Нам пора в аэропорт. Самолёт до Владивостока ждать не будет. Завтра утром у тебя тренировка.

Кравцова послушно повернулась и пошла за тренером, тяжело дыша и больше не оборачиваясь. Она уходила обратно в свой ледяной спортивный конвейер, оставив свой единственный талисман лежать в подмосковной пыли.

Лёля медленно опустилась на колени и подобрала холодный стальной трёхгранник, намертво сжимая его в кулаке. К ней быстро подбежал Денис Игоревич, помогая подняться.

— Лёль, господи, что она несёт? Не слушай её, она в безумии от горя... Идём, машина ждёт, — тихо зашептал он, испуганно глядя вслед уходящей фигуре Кравцовой. — Выбрось эту железку.

— Нет, — прошептала Лёля, пряча ключ глубоко в карман куртки. — Не выброшу. Я его ей верну.

В салоне машины пахло кожей и застоявшимся холодом. Денис уверенно вёл автомобиль по подмосковной трассе в сторону Филей, но его взгляд то и дело возвращался к зеркалу заднего вида, где на сиденье, свернувшись в комок, молча сидела Лёля.

Денис тяжело вздохнул, крепче перехватив руль.

— Лёль, ты только не думай о том, что эта девчонка наговорила, — негромко произнес он. — Она была в неадекватном состоянии. На МКАДе фуру занесло, Павел Андреевич ни в чём не виноват.

Лёля ничего не ответила, лишь плотнее прижалась лбом к боковому стеклу. Денис помолчал, а потом его голос вдруг потерял всю привычную уверенность. Он стал звучать растерянно.

— Знаешь... а я ведь испугался её, — тихо признался Денис, и его пальцы на руле слегка дрогнули. — Не её криков, а... её взгляда. Я ведь в академии лучшим был. Все годы только и делал, что зубрил латынь, сдавал анатомию. Я думал, что готов ко всему, что медицина — это точные формулы. А там, в реанимации, когда Павел Андреевич умирал, я понял, что вся моя учёба — это просто бумага. Моих знаний вообще ни на что не хватило. Я стоял как дурак у монитора и ничего не мог сделать. Применять всё это на практике, видеть живую, не книжную смерть... это невыносимо тяжело. У меня до сих пор её слова в ушах звенят.

Лёля медленно вытащила руку из кармана, раскрыла ладонь и посмотрела на стальной ключ, на котором всё ещё оставались крупницы сухой кладбищенской глины.

— Ты будешь хорошим врачом, Денис, — тихо, но удивительно твёрдо сказала она. — Потому что тебе больно. Мой папа всегда говорил, что кардиолог с холодным сердцем — это просто мясник. А ты живой. И ты должен учиться дальше. Ради него. И ради тех, кого мы не успели спасти.

Денис молча кивнул, сглотнув ком в горле, и снова включил передачу. Машина тронулась вперёд. Молодой исследователь ещё не знал, что эта израненная дальневосточная спортсменка Ольга Кравцова и её страшное обвинение станут его главным внутренним вызовом. Что он навсегда уйдёт из операционных в тишину лабораторий — изучать тот самый синдром прогрессирующей сократительной деструкции миокарда, который убил хабаровского железнодорожника. Что все следующие пять лет он будет фанатично вести клинические исследования, пытаясь синтезировать новое революционное лекарство КРВ-модулятор.

И когда в 2006 году ему предложат возглавить медицинский штаб и новые научно-практические исследования здоровья спортсменов в национальной сборной России по плаванию, он согласится без колебаний. Ради одной цели — найти ту девчонку на бортике бассейна и доказать ей, что его разработки способны защитить и спасти человеческое сердце.

Но это будет потом. А пока стальной трёхгранник надёжно спрятался в кармане московской Лёли, связывая две их судьбы крепче любого замка.

Глава 7

Глава 7. Вспышки времени

Время после катастрофы потеряло свою плавность, оно потекло рваными, стремительными рывками, словно кто-то невидимый безжалостно перематывал киноплёнку человеческих судеб. За следующие четыре года мир вокруг изменился до неузнаваемости, и на этом бешеном сломе веков две Ольги упрямо пробивали себе дорогу вперёд — каждая в своей, абсолютно непохожей вселенной.

Для филёвской квартиры Вакулеевых смерть Павла Андреевича стала точкой невозврата. Елена Борисовна после гибели мужа резко сдала, увяла буквально за несколько месяцев, и её когда-то живое, уютное лицо покрылось сеткой глубоких, скорбных морщин. Сердце матери не справлялось с горем, начались опасные приступы аритмии. Единственным, кто удерживал эту маленькую разрушенную систему на плаву, остался Денис Игоревич. Молодой исследователь фактически стал для них сыном. Он дневал и ночевал на Филях, поддерживал Елену Борисовну, а главное — лично контролировал её лечение. Именно тогда на кухонном столе впервые появились экспериментальные ампулы с КРВ-модулятором, над которым Денис фанатично работал в лаборатории института. Он по каплям рассчитывал дозировку, упрямо борясь за жизнь матери своего покойного учителя, пока Лёля пропадала на лекциях в университете.

Но как бы ни горевала Елена Борисовна, жизнь её дочери закрутилась в сумасшедшем, счастливом вихре. Лёля оправдала свои детские амбиции — системный ум и золотая медаль помогли ей с ходу поступить на факультет управления, где её хватку преподаватели заметили сразу. Но главным триумфом стал Глеб. Юношеский роман не растаял под грузом взрослых проблем; напротив, Глеб оказался той самой несокрушимой стеной, которая защитила Лёлю от боли утраты. Наперекор тихим вздохам матери, мечтавшей о благородном докторе Денисе, Лёля в свои неполные девятнадцать вышла замуж за своего вихрастого гитариста. Свадьба была шумной, студенческой, а уже к 2005 году филёвские стены огласились первым, звонким криком новорождённого ребёнка. Лёля родила сына. Маленький Даня — Данила Глебович, унаследовавший отцовские кудри, стал для всей семьи главным источником тепла и света, заставив даже погрузневшую Елену Борисовну впервые за долгое время искренне улыбнуться. Лёля нянчила новорождённого сына, успевала учиться и уверенно готовилась к будущей карьере преуспевающего менеджера, чувствуя себя абсолютно защищённой.

В один из таких вечеров 2005 года в квартиру Вакулеевых вошёл Денис. Он был сохраннее обычного, а в руках сжимал плотную папку с официальными гербами. На кухонном столе, рядом с лекарствами Елены Борисовны, лёг тяжёлый документ.

— Меня утвердили, — тихо, но с глубоким внутренним волнением произнес Денис, глядя на Лёлю. — Я официально возглавил медицинскую группу национальной сборной России по плаванию. Контракт на четыре года, под Олимпиаду в Пекине. Наш КРВ-модулятор показал феноменальные результаты на тестах, и министерство дало зелёный свет на исследование здоровья спортсменов.

Лёля застыла, и внутри у неё что-то испуганно дрогнуло. Слово «плавание» мгновенно вернуло её на залитое ослепительным солнцем кладбище.

— Ты... из-за неё согласился, да? — тихо спросила она. — Из-за той Ольги?

Денис не отвёл взгляда:

— И из-за неё тоже. База сборной теперь в Москве, они все будут здесь. Я должен доказать ей, что медицина Павла Андреевича — это не убийство. Мои разработки защитят такие сердца, какое было у её отца.

Гребок. Ещё гребок. Мощный толчок ногами от скользкого бортика, от которого вода вскипает белой пеной.

На другом конце страны, во Владивостоке, время измерялось не свадьбами и рожденьями, а километрами и секундами. Ольга Кравцова росла в железных тисках Ирины Николаевны, превращаясь в безупречную, безжалостную к себе спортивную машину. Смерть родителей выжгла в ней все лишние девичьи эмоции, оставив лишь глухую, яростную целеустремлённость. Ирина Николаевна выжимала из неё всё, контролируя каждый вздох, и это принесло свои страшные, долгожданные плоды. 2005 год стал для двадцатилетней Кравцовой годом абсолютного триумфа.

Дистанция сто метров, вольный стиль. Чемпионат России, на который они так долго прорывались.

Вспышка стартового пистолета. Ольга ворвалась в воду олимпийского бассейна, не чувствуя ничего, кроме дикого, звенящего азарта. Её длинные руки резали гладь с частотой поршней, мышцы горели от предельного напряжения, но она упрямо шла вперёд, обгоняя фавориток из столицы. Последний метр. Яростный рывок, касание финишного щита и тяжёлый, жадный выдох над водой. Оля сорвала очки и посмотрела на электронное табло. Первое место. Золото. Оглушительный рёв трибун потонул в её ушах, а на бортике Ирина Николаевна впервые за все годы победно вскинула руки вверх.

Эта золотая медаль на стометровке перевернула всё. Кравцову официально включили в основной состав национальной сборной и переводили в Москву, на главную тренировочную базу.

В раздевалке «Олимпийца», когда шум трибун утих, Ирина Николаевна сухо заполняла документы на перевод. Ольга подошла к ней, ещё не смыв до конца капли бассейновой воды, и твёрдо положила ладонь на край стола.

— Я не поеду туда одна, Ирина Николаевна, — глухо произнесла Оля, глядя тренеру прямо в глаза.

— Что за глупости, Кравцова? — женщина даже не подняла головы. — Там федеральный центр, лучшие специалисты страны. Мой контур здесь закончен, я выжала из тебя максимум. Дальше тебя поведут другие люди.

— Мне не нужны другие! — Оля резко подалась вперёд, и её голос зазвенел от упрямства. — Вы меня вытащили, вы из меня этот результат зубами вырвали. В Москве меня сожрут, я там чужая. Поезжайте со мной. Станьте вторым тренером в олимпийской группе, добейтесь этого места через министерство. Вы ведь сами мечтали о Пекине, о реванше! Мы должны дойти до конца вместе. Пожалуйста.

Ирина Николаевна застыла. Её сухие пальцы сильнее сжали авторучку. Она долго смотрела на Ольгу — взрослую, сильную двадцатилетнюю Кравцову, в которой сейчас с новой силой полыхнул тот самый жёсткий дальневосточный характер, способный терпеть любые нагрузки. Старая женщина медленно закрыла папку.

— Хорошо, Оля, — едва заметно кивнула она, и на её каменном лице проступила едва уловимая гордость. — Я подам официальное ходатайство на совместный перевод. Буду твоим личным тренером в Москве. Но учти: пощады там не жди. Спрос будет вдвое строже.

Круг замкнулся. Осенью 2005 года, спустя четыре года после той страшной катастрофы на МКАДе, двадцатилетняя Ольга Кравцова вместе с Ириной Николаевной осторожно ступили с трапа самолёта на раскалённый столичный асфальт в Домодедово. Она вернулась в город, который когда-то забрал у неё родителей. Она приехала побеждать, совершенно не подозревая, что в тихом районе Филей её тёзка Лёля баюкает новорождённого Данилу Глебовича, а в кармане её старого пальто всё ещё лежит стальной железнодорожный трёхгранник, ждущий своего часа.

Глава 8

Глава 8. Чужие стены

— Ты обещал быть в семь, Глеб! В семь! А сейчас половина одиннадцатого! — Лёля говорила полупшепотом, но её голос буквально звенел от ярости. Она стояла посреди тёмного коридора филёвской квартиры, до белизны в суставах сжимая в руках свёрнутую детскую пелёнку. Из глубины комнаты доносилось тихое, прерывистое сопение новорождённого Дани. — Я весь день одна! Маме плохо, у неё опять скакало давление, а мне нужно было сдать курсовую в университет!

Глеб стоял у двери, прислонившись спиной к косяку. От него пахло уличной сыростью, табачным дымом, перегаром и едва уловимым, чужим ароматом дорогих женских духов. Гитара в чехле за его спиной сейчас казалась Лёле не символом той романтической школьной любви, а тяжёлым, эгоистичным грузом, который тянул их маленькую семью на дно.

— Ну Лёль, началось, — Глеб устало потёр лицо ладонью, даже не пытаясь пройти дальше прихожей. — У парней струны полетели, мы застряли на студии, записывали демо. Это мой шанс, понимаешь? Нас могут заметить. Ты же сама говорила, что веришь в меня.

— Я верила в шестнадцать лет, Глеб! А сейчас у нас ребёнок! — Лёля шагнула к нему, и в тусклом свете уличного фонаря из окна её лицо показалось чужим, повзрослевшим и жёстким. — Твои демо-записи не купят Дане смесь. И они не вылечат маму. Мне надоело тащить всё на себе, пока ты играешь в великого музыканта.

— Да пошла ты со своим режимом и правилами! Стала копия своей мамаша, — зло выплюнул Глеб, резко развернулся, грохнув дверью так, что в прихожей звякнуло зеркало, и ушёл обратно в глухую московскую ночь.

Лёля осталась стоять в темноте, тяжело и прерывисто дыша. Из кухни на цыпочках, кутаясь в шаль, вышла Елена Борисовна. По её измученному лицу было видно, что она слышала каждое слово. Мать мягко обняла Лёлю за плечи и потянула к столу, где всё ещё стоял недопитый чай.

— Не разбуди Данечку, дочка, — тихо прошептала Елена Борисовна, глядя Лёлю по подрагивающей руке. — Я ведь тебе говорила, Лёля... Творческие люди — они для семьи не созданы. Им только аплодисменты нужны. А вот Денис... Денис сегодня трижды звонил, спрашивал, как моё сердце, новые ампулы своего лекарства из лаборатории привёз. Он ведь такой правильный, такой положительный, Лёлечка. Настоящая опора. Весь в отца твоего, Павла Андреевича. На него в любой беде положиться можно, он никогда не бросит и не опоздает. Подумай об этом, дочка. Пока не поздно.

Лёля промолчала, бережно обнимая мать, но внутри у неё всё сжималось от глухой обиды. Она любила Глеба, но казённая правильность Дениса, которую так хвалила мама, сейчас казалась ей пугающе заманчивой на фоне пустых карманов и запаха чужих духов.

Чтобы успокоиться, Лёля позже зашла в свою комнату, подошла к комоду и, сама не зная зачем, выдвинула самый дальний ящик. Под ворохом старых бумаг лежал холодный стальной трёхгранник Кравцовой. Лёля сжала его в кулаке, чувствуя, как металл врезается в кожу. У неё было всё: муж, ребёнок, дом — но прямо сейчас этот мир казался ей картонным. Она спрятала ключ обратно в ящик и пошла к Даньке. Глеб не вернулся ни через час, ни утром.

В эти же часы на другом конце Москвы, в казённых сумерках гостиничного номера при Центре олимпийской подготовки, Ольга Кравцова бросила на пол тяжёлую спортивную сумку.

Комната встретила её спартанской пустотой: две узкие кровати, серый линолеум, выцветшие обои и стойкий запах казённого мыла и старой пыли. Окно выходило на бесконечные дорожки спорткомплекса, за которыми глухо шумела ночная столица. Москва не ждала Ольгу, она равнодушно обдала её гарью и шумом прямо на выходе из Домодедово.

Ирина Николаевна вошла следом, аккуратно поставила у двери свой строгий чемодан и первым делом подошла к окну, проверяя, плотно ли закрыта форточка — сквозняки перед осенними стартами были недопустимы.

— Ну что, Кравцова, приехали, — тренер повернулась, и её каменное лицо при тусклом свете одинокой люстры показалось ещё более суровым. — Обживайся. Завтра в восемь утра — общее собрание медицинского и тренерского штаба. Нас тут никто с караваями встречать не будет, московские тренеры уже косятся на твою золотую медаль. Ты для них — провинциальная выскочка, которая заняла чьё-то тёплое место в сборной.

Оля молча присела на край жёсткой кровати, даже не снимая куртки. На тумбочке у зеркала лежал выданный на вахте пропуск в бассейн и медицинская карточка с гербом Министерства спорта.

— Мне плавать, Ирина Николаевна, — глухо ответила Оля, глядя на свои ладони, которые за четыре года так и не отвыкли от запаха хлорки. — Пусть косятся. Я приехала плавать, а не дружить с ними.

— Правильный настрой, — одобрила старая женщина, открывая свой блокнот с тренировочными графиками. — Помни, ради чего мы здесь. Олимпиада в Пекине через три года. И в этих чужих стенах ты должна стать вдвое сильнее, чем была во Владивостоке. Иди в душ и спать. Время пошло.

Оля кивнула, но стоило Ирине Николаевне выйти в свой соседний номер, как двадцатилетняя пловчиха Кравцова подошла к окну. Она смотрела на чужие московские огни, чувствуя, как внутри закипает та самая глухая дальневосточная ярость. Она вернулась в город-убийцу, чтобы забрать своё золото.

Утро следующего дня ворвалось в Центр олимпийской подготовки сырым осенним светом. В восемь часов Денис Игоревич сидел в своём рабочем кабинете. Он задумчиво смотрел на медицинскую карту Кравцовой, напряжённо соображая, под каким предлогом ему с ней встретиться, как вдруг этот момент был жёстко нарушен.

Дверь открылась без стука. На пороге появились двое — массивные, широкоплечие мужчины в кожаных куртках, от которых за версту несло качковской бандитской силой. Они бесцеремонно зашли внутрь, и один из них сразу запер за собой замок, а второй по-хозяйски опустился на стул напротив стола молодого доктора.

Денис оторвался от медицинской карты Кравцовой и удивлённо изогнул бровь. Как руководитель научно-медицинской группы, он привык к крупным ребятам, но эти двое в регламент сборной явно не вписывались.

— Доброе утро, парни, — Денис спокойно закрыл папку Ольги и отодвинул её на край стола. — Вы ко мне на первичный кардиоскрининг? Для тяжеловесов у нас осмотр после одиннадцати, и вообще-то по записи. Рост, вес, антропометрия какие? Из какой дисциплины будете?

Тот, что сидел напротив, глухо и хрипло рассмеялся, вальяжно откинувшись на спинку стула и поигрывая массивными золотыми часами на запястье.

— Дисциплина у нас одна, доктор, — железная. И со здоровьем у нас полный порядок, не переживай. Мы к тебе по другому вопросу. Нам тут шепнули, что ты теперь главный по баночкам и анализам у пловцов.

Денис Игоревич мгновенно подобрался, и его взгляд стал холодным.

— Я руководитель медицинской группы сборной, — твёрдо ответил он. — Контроль биохимических показателей спортсменов входит в мои обязанности. Что вам нужно?

Второй качок, стоявший у двери, сделал шаг вперёд и тяжело опёрся кулаками о письменный стол, нависая над Денисом.

— Нам нужно, доктор, чтобы у пары наших перспективных ребят из столичного центра анализы всегда были чистыми, как слеза младенца. Скоро важные старты, отбор на Пекин.

Ребята пашут, им надо помогать. Так что, если там в пробах всплывёт какая-нибудь лишняя фармакология или допинг — ты просто закрой глаза. Сделай вид, что микроскоп сломался.

— Вы ошиблись адресом, — Денис поднялся со стула, выравнивая спину и глядя в упор на визитера. — Все результаты тестов идут напрямую в антидопинговый комитет и фиксируются в картах. Я не занимаюсь подлогом документов.

— Слышь, учёный, ты не понял, — сидящий качок перестал улыбаться, его лицо мгновенно стало угрожающим, а голос опустился до зловещего шёпота. — Мы не просим. Мы тебе предлагаем нормальный, здоровый бартер. Ты закрываешь глаза на результаты анализов — а твоя лаборатория получает хорошее финансирование на этот твой КРВ-модулятор. И у тебя лично проблем в Москве не будет. Мы ведь знаем, доктор, на что способна твоя ещё не запатентованная сыворотка. Знаем, как она лихо перекрывает любые маркеры в крови. Подумай хорошо. Времена сейчас хоть и новые, но люди, которые не умеют договариваться, до сих пор иногда пропадают. До завтра, доктор. Карточки парней мы тебе на стол скинем.

Они так же молча повернулись и вышли, оставив после себя в кабинете тяжёлый запах дешёвого одеколona и явной угрозы.

Денис Игоревич остался стоять у стола, чувствуя, как внутри закипает ярость, смешанная с холодным, липким ужасом. Его новая, чистая спортивная наука только что столкнулась с грязным изнаночным миром больших денег и чужих амбиций. Откуда они узнали? Откуда им стало известно про скрытое свойство формулы, которая ещё даже не прошла до конца все стадии патентования? Денис вспомнил: месяц назад отчёты по КРВ пропали из сейфа на три дня. Он тогда списал на халатность. Теперь понял — не халатность.

Денис подошёл к окну и рванул створку на себя. В кабинет ворвался резкий, сырой осенний воздух. Сердце колотилось в самом горле.

Проклятый КРВ-модулятор. Препарат, который они начинали создавать вместе с отцом Лёли, опираясь на гениальные теоретические выводы её покойного деда, профессора Вакулеева. Это лекарство должно было стать венцом трёх поколений их медицинской династии, оно было призвано спасти обречённые человеческие сердца. То самое средство, ради которого Денис когда-то поклялся расшибиться в лепёшку, чтобы доказать Ольге Кравцовой: Вакулеевы не были убийцами её родителей, они хотели подарить её отцу жизнь, а та страшная авария — лишь роковое, жестокое совпадение.

И вот теперь их общее дело, память его учителей хотят превратить в грязную воровскую отмычку для допинга. Маскировать чужую химию великим лекарством Вакулеевых? Чёрта с два. Он не отдаст им формулу. И не позволит сломать сборную.

Денис поправил съехавшие на переносицу очки, накинул белый халат и решительно вышел из кабинета. Ему нужно было остыть. Ноги сами понесли его туда, где пахло родным и понятным — хлоркой, мокрым кафелем и тяжёлым, честным трудом. К тренировочным дорожкам бассейна.

На трибунах было пусто и прохладно. Внизу, в синей воде, кто-то шёл на предельной скорости, мощно и ритмично разрезая гладь идеальным баттерфляем. Денис остановился у перил, заворожённый этим безупречным, почти животным автоматизмом. Пловец дошёл до бортика, сделал резкий кувырок, оттолкнулся ногами и ушёл на обратный круг.

«Кравцова», — мгновенно догадался Денис, вглядываясь в сильные, размашистые движения рук. Главная надежда страны на грядущий Пекин. Девочка с израненным сердцем и ледяным взглядом, которая до сих пор заочно ненавидела всю его семью за ту старую московскую трагедию.

Через пятнадцать минут Ольга закончила заплыв. Она уцепилась за бортик, тяжело и шумно дыша, сдернула очки и резиновую шапочку. Русые мокрые волосы облепили лицо. Денис медленно спустился по бетонным ступеням к самой воде.

— Для первого километра темп слишком высокий, — негромко сказал он, останавливаясь над её дорожкой. — Сердце посадите, Кравцова. Перегрузка в первой зоне.

Ольга вскинула голову. Её глаза, покрасневшие от хлорированной воды, сузились. В них промелькнуло привычное глухое недоверие, но, разглядев Дениса — его молодой, усталый вид, взъерошенные волосы и халат, наброшенный поверх гражданской одежды, — она неожиданно усмехнулась. Сухо, одними уголками губ.

— А вы у нас, значит, новый главный? — она легко, одним мощным движением сильных рук вытолкнула своё тело из воды и села на кафельный бортик, тяжело дыша. — Слышала, к нам какого-то великого учёного из Москвы прислали. Думала, там дед с портфелем, а тут...

Ольга окинула его коротким, оценивающим взглядом. Денис поймал себя на мысли, что его дыхание перехватило вовсе не от запаха хлорки. В этой взрослой, опасной спортсменке с тугой дальневосточной решимостью в осанке до сих пор сквозила та самая раненая, тихая девочка из его воспоминаний. Она защищалась от мира этой иронией. И эта защита почему-то показалась Денису невероятно притягательной.

— Я Денис Игоревич, — он протянул ей сухое полотенце, стоявшее на скамейке. — И я здесь для того, чтобы вы доехали до своего Пекина живой и здоровой. Без всякой грязи.

Ольга взяла полотенце, на секунду коснувшись его пальцев своими — ледяными, мокрыми. Между ними словно пробежал слабый электрический разряд. Она вытерла лицо, пряча глаза, а затем снова посмотрела на него — уже мягче, без утренней злой брони.

— Ладно, Денис Игоревич. Слишком длинно, — Ольга поднялась в полный рост, завернувшись в полотенце, и подмигнула ему. — Будешь для меня просто Док. Договорились? Только под руку тренеру не лезь, Док, она у нас шальная.

Оля повернулась и пошла к раздевалкам, оставляя на кафеле мокрые следы. А Денис остался стоять у воды, чувствуя, как внутри закипает совсем другое тепло. Прозвище «Док», слетевшее с её губ, прозвучало так просто и доверительно, что он окончательно понял: назад дороги нет. Он защитит эту девочку. И от допинговых качков, и от призраков прошлого.

Уже через неделю Денис понял, что все слухи о тяжёлом, фанатичном характере Ирины Николаевны были чистой правдой. В кулуарах её давно называли шальной, но реальность оказалась куда страшнее.

Осенний отбор приближался, и тренер окончательно сорвался с цепей. Она не просто требовала результатов — она буквально выжигала Кравцову на дорожке. На вечерней тренировке Денис стоял у бортика, глядя на показатели пульсометра Ольги, и его пальцы до боли сжимали пластиковый планшет. Сердце Кравцовой работало на износ, пульс ушёл далеко за критическую красную зону, а Ирина Николаевна, мокрая от летящих брызг, яростно шагала по бортику и хлестала по воде скрученным полотенцем.

— Не вижу толчка, Кравцова! — гремел её голос под сводами бассейна. — Ты не плывёшь, ты ползёшь! Ещё два полтинника на максимальном пульсе! Пошла!

Ольга вынырнула, судорожно, со свистом глотая воздух. Её лицо под резиновой шапочкой было мертвенно-бледным, губы посинели, а плечи мелко дрожали от подступающих судорог. Она уцепилась за бортик, пытаясь перевести дыхание, но тренер уже занесла руку с секундомером:

— На дорожку, я сказала! Время пошло!

— Стоять, — Денис сделал шаг вперёд, перешагнув через мокрую разделительную линию, и встал прямо между тренером и спортсменкой. — Кравцова, оставаться в воде. Из заплыва выйти.

Ирина Николаевна медленно повернула к нему голову. Её глаза округлились от бешеной, злой гордости старого наставника, чью власть посмели оспорить на её же территории.

— Ты что себе позволяешь, доктор? — процедила она, и её голос опасно зазвенел. — Вон из бассейна. Я здесь решаю, сколько она плывёт.

— Вы её убьёте, — Денис не отступил ни на сантиметр. Он был бледнее Ольги, но смотрел на тренера в упор, выставив вперёд планшет с графиком пульса. — У неё лактатный порог превышен в полтора раза. Миокард не железный. Если она сейчас сделает этот рывок, вы получите не олимпийское золото, а труп на дне чаши. Я, как главный врач сборной, официально снимаю Кравцову с тренировки. Оля, на выход. В душевую.

Ольга смотрела на Дениса снизу вверх огромными, полными шока глазами. Никто. Никогда в её жизни не смел перечить Ирине Николаевне. Ни слабый отец, ни властная мать, ни чиновники из края. А этот молодой, худой учёный в очках сейчас стоял живым щитом между ней и безжалостной машиной спорта.

— Кравцова, назад! — крикнула тренер, но голос её впервые дрогнул.

— На выход, Оля, — тихо, но свинцово-тяжело повторил Денис.

Ольга коротко взглянула на тренера, затем на Дениса. И впервые за все годы послушный автомат внутри неё сломался. Она молча повернулась, ухватилась за поручни лестницы и вышла из воды, уходя в сторону раздевалок. Ирина Николаевна тяжело дышала, глядя на Дениса с глухой, страшной ненавистью.

— Ты пожалеешь об этом, Док, — выплюнула она и круто повернулась, уходя в тренерскую.

Через час Денис ждал её на крыльце спорткомплекса. Осенняя Москва встретила его колючим, холодным дождём. Он курил, пряча сигарету в кулак, когда тяжёлая стеклянная дверь позади него открылась. Ольга вышла в натянутой по самые брови спортивной шапке и огромной куртке. На её плече висела неизменная сумка.

Она остановилась рядом, глядя на летящие капли. На её лице больше не было брони. Только безграничная, звенящая усталость.

— Ты сумасшедший, Док, — тихо сказала она, не поворачивая головы. — Она же тебя сожрёт. Напишет заявление в министерство, и тебя за день отсюда выкинут.

— Пусть пишет, — Денис выбросил сигарету. — Моя работа — защищать твоё сердце. И я собираюсь делать её хорошо. Ты голодная?

Ольга удивлённо моргнула и впервые посмотрела на него без усмешки — тепло и растерянно.

— Как волк. Нам углеводное окно надо закрывать после тренировки.

— Пойдём. Тут за углом есть тихое кафе.

Они сидели в полупустом угловом ресторанчике. На столе дымились две большие тарелки с пастой, но Ольга почти не ела — она грела пальцы о большую кружку с облепиховым чаем. Денис смотрел, как мягкий свет настенного бра падает на её лицо, сглаживая жёсткие спортивные скулы. В этот момент она снова была той тихой девочкой, которую когда-то силой отдали в бассейн.

— Знаешь... — Ольга опустила глаза, разглядывая плавающие в кружке ягоды. — Папа перед отъездом во Владивосток подарил мне железнодорожный ключ. Сказал носить как талисман, если станет совсем худо. Я сегодня в воде, когда уже дышать не могла, вспомнила его. И подумала, что ключ больше не работает. А потом появился ты.

Она подняла на него глаза — чистые, глубокие, без капли привычного недоверия. В них читалось то, чего Денис никак не ожидал увидеть: робкая, зарождающаяся симпатия и абсолютное, глубинное доверие. У него перехватило дыхание. Он протянул руку через стол и мягко накрыл её ледяные пальцы своими ладонями.

— Ключ работает, Оля, — тихо сказал Денис. — Просто теперь этот проводник — я.

Ольга не убрала руку. Она лишь чуть сильнее прижалась своими пальцами к его ладони, чувствуя его тепло.

Когда они вышли на улицу, дождь уже стих, оставив после себя влажный блеск асфальта и запах мокрой листвы. Они остановились у входа в метро, под козырьком, укрытые от редких

прохожих. Ольга повернулась к нему, чтобы попрощаться, но Денис не отпустил её руку. Он сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между ними, и осторожно, словно боясь спугнуть, коснулся ладонью её щеки.

Ольга замерла. Её дыхание участилось, но она не отстранилась — наоборот, чуть пода-лась навстречу его руке, прикрыв глаза.

Денис наклонился и поцеловал её. Поцелуй вышел робким, со вкусом облепихового чая и прохладного московского дождя, но в нём было столько скопившейся нежности и отчаянного желания защитить, что Оля тихо выдохнула прямо ему в губы. Её свободная рука поднялась и судорожно уцепилась за отворот его пальто, словно она искала опору в этом бушующем мире.

Когда Денис медленно отстранился, Ольга смотрела на него совсем по-другому. Её щёки горели румянцем, а на губах блуждала мягкая, счастливая улыбка.

— До завтра, Док, — прошептала она, сделала шаг назад и быстро скрылась в дверях метро.

Денис остался стоять на мокром граните, чувствуя, как бешено стучит его собственное сердце. Он только что переступил черту. Он поцеловал девушку, чьих родителей невольно погубила семья Вакулеевых. И теперь его клятва — доказать ей правду и спасти её — стала делом всей его жизни.

Глава 9

Глава 9. Солнце на ВДНХ

Лето 2006 года обрушилось на Москву внезапной, удушающей жарой. Июльский день буквально плавился, и огромная территория ВДНХ казалась залитой жидким золотом. Сверкали на солнце монументальные фигуры фонтана «Дружба народов», в пронзительно синем небе лениво застыли редкие пушистые облака, а воздух был густо пропитан сладким ароматом цветущих лип и прохладной водяной пылью, долетавшей от каскадов. Это был идеальный, редкий день, созданный исключительно для влюблённых, когда город сбрасывал с себя всю суету и казённую строгость.

Двадцатидесятилетняя Ольга Кравцова шла по асфальтовой дорожке, непривычно медленно для своей вечной спортивной спешки. На ней был лёгкий летний сарафан, открывавший сильные, тренированные плечи, а растрёпанные волосы, которые обычно прятались под резиновую шапочку, сейчас мягко рассыпались по спине. За этот неполный год в Москве она сильно изменилась — дальневосточная угловатость ушла, уступив место зрелой, уверенной женской стати. Рядом шёл Денис. Без своего привычного строгого костюма, в простой светлой рубашке с засученными рукавами, он казался моложе, а его всегда серьёзные глаза сейчас удивлённо и радостно ловили каждое движение Оли.

Они только что купили по стаканчику мороженого, и Оля смеялась — искренне, открыто, так, как никогда не смеялась на бортике бассейна под прицелом секундомера Ирины Николаевны.

— Знаешь, Док, — Оля слизнула быстро тающее на жаре мороженое и хитро прищурилась, глядя на Дениса сквозь солнцезащитные очки. — Если бы мне во Владивостоке сказали, что я буду гулять по Москве в сарафане и объедаться пломбиром с руководителем нашей медицинской группы, я бы лично утопила этого сказочника.

— Почему это? — Денис улыбнулся, бережно перехватывая её под локоть, чтобы разминуться с проезжающим мимо роллером. Его прикосновение было лёгким, но внутри у молодого учёного всё замирало от этого тепла. — Неужели я кажусь таким страшным?

— Не страшным, — Оля на секунду посерьёзнала, вглядываясь в панораму величественных павильонов. — Просто... там, на Дальнем Востоке, вся жизнь была как конвейер. Дисциплина, секунды, свисток. А в Москве всё закрутилось ещё жёстче. Но когда ты появился в сборной со своими тестами и этими экспериментальными пробирками... мне сначала казалось, что ты пришёл забрать у меня последние силы. А сейчас... сейчас я смотрю на эти фонтаны и ловлю себя на мысли, что мне впервые за пять лет просто хорошо. Спокойно.

Денис Игоревич смолчал, но его пальцы чуть крепче сжали её руку. Он смотрел на Олино залитое солнцем лицо и думал о том, какой огромный, мучительный путь они прошли от того страшного октябрьского дня на подмосковном кладбище. Пять лет назад она швырнула стальной трёхгранник под ноги его Лёле, проклиная всю их медицинскую династию. Денис помнил этот израненный взгляд каждую секунду своего аспирантского труда в лаборатории. Он шёл в сборную, чтобы искупить чужую вину, а нашёл здесь эту удивительную, сильную девушку, без которой теперь не мог представить ни одного своего утра. Оля до сих пор не знала, что этот улыбочивый, заботливый доктор Денис — тот самый парень из реанимации Павла Андреевича. И эта тайна жгла его изнутри, но прямо сейчас, под этим знойным московским небом, среди смеющихся людей и брызг фонтанов, Денис меньше всего на свете хотел разрушить этот хрупкий, рождающийся между ними мир.

— Мне тоже очень хорошо с тобой, Оль, — тихо, но удивительно глубоко произнес Денис, останавливаясь у тенистой липовой аллеи. — И я сделаю всё, чтобы твоё сердце больше никогда не болело. Ни на воде, ни на суше.

Оля посмотрела на него из-под ресниц, и в её глазах, обычно таких стальных и закрытых, сейчас отражалось чистое, ласковое летнее солнце. Конвейер Ирины Николаевны остался где-то в душном спортивном комплексе, а здесь, на залитых светом просторах ВДНХ, двадцатидесятилетняя Ольга Кравцова впервые позволяла себе быть просто счастливой девушкой, которую искренне любят.

Оля остановилась у парапета, подставив лицо мелким, прохладным брызгам фонтана, которые доносил лёгкий июльский ветер. Денис стоял рядом, любуясь тем, как на её ресницах сверкают крошечные капли воды. В этот момент она казалась ему совершенно беззащитной.

— Знаешь, Денис... — Оля повернулась к нему, и её взгляд из-под солнцезащитных очков стал непривычно пристальным. — Я ведь долго думала над твоими словами. Ну, тогда, в бассейне, когда ты только принёс эти свои протоколы скрининга. Ты ведь учёный, у тебя лаборатория в Москве, имя, карьера. Зачем тебе этот ад? Зачем тебе возиться с нами, выслушивать проклятия от наших тренеров и рисковать репутацией?

Денис на секунду замялся, почувствовав, как внутри привычно натянулась невидимая струна.

— Большой спорт — это идеальная площадка для проверки экстремальных нагрузок, Оль, — попытался он уйти в привычную научную терминологию. — Сердце пловца на дистанции работает на пределе человеческих возможностей. Если наше новое вещество сможет защитить миокард в такие моменты...

— Не надо включать профессора, Док, я же вижу, когда ты врешь, — мягко, но непреклонно перебила его Оля, сделав шаг ближе. — В тебе нет этой чиновничьей сухости. Ты каждый раз, когда берёшь мою медицинскую карту, смотришь на меня так, словно... словно ты мне что-то должен или прячешь что-то. И эти твои пробирки... На них в бланках стоит шифр: КРВ. Странная аббревиатура. Что она означает? Какое-то сложное химическое соединение?

У Дениса перехватило дыхание. Солнце продолжало ослепительно бить в глаза, золотя воду в фонтане, но ему показалось, что вокруг них мгновенно сомкнулась стерильная, ледяная тишина реанимационной палаты 2001 года. На секунду ему безумно, отчаянно захотелось выложить всё. Рассказать про МКАД, про Павла Андреевича Вакулеева, чьи инициалы были защиты в это выстраданное рабочее название препарата, про Лёлю, которая до сих пор хранит стальной трёхгранник её отца в филёвской квартире. Сказать, что он искал её все эти пять лет, чтобы просто исправить то, что медицина не смогла исправить тогда.

Но он посмотрел в её чистые, доверительные глаза и смолчал. Сказать сейчас — значит мгновенно разрушить этот знойный, сказочный июльский день, вернуть её в тот ад и навсегда стать для неё врагом, сыном преемника «отца-убийцы».

— Это... комплексный регенеративный вектор, — соврал Денис, и эта ложь отозвалась тяжёлой, глухой болью у него в груди. Он заставил себя улыбнуться и аккуратно убрал выбившуюся прядь волос с её лица. — Чистая органика, Оль. Никаких секретов. Просто лабораторная формула, которая обязана сделать так, чтобы твоё сердце выдержало любую дистанцию. И Пекин, и всё, что будет после него.

Оля внимательно всматривалась в его лицо ещё несколько секунд, словно пытаясь пробить его внутреннюю броню, а потом облегчённо вздохнула и снова улыбнулась, поверив.

— Ладно, Док. Будем считать, что я поверила твоей органике. Пошли к павильону «Космос», я там с детства мечтала побывать...

Они пошли дальше по аллее, крепко держась за руки. Денис шагал рядом, чувствуя, как в кармане брюк вибрирует сотовый телефон. Он внутренне сжался, подумав, что звонит Лёля и дома на Филях опять начался приступ у Елены Борисовны, которой была жизненно необходима очередная порция лекарства.

Денис остановился и достал аппарат из кармана, но на небольшом монохромном экране высветился совсем другой номер. Звонил Алекс — его коллега и ассистент по исследовательской лаборатории, который помогал ему вести тесты формулы.

— Извини, Оль, это с работы, я быстро, — Док виновато улыбнулся и нажал на кнопку ответа, отойдя на шаг к тенистым липам. — Да, Алекс, я на связи. Что случилось? В институте форс-мажор?

— Денис, привет... — голос Алекса в трубке прозвучал как-то странно. Он не затараторил, как обычно, а говорил медленно, натужно, словно выдавливал из себя слова под чьим-то тяжёлым взглядом. На заднем плане глухо гудели лабораторные центрифуги. — У нас тут... по третьей группе контрольных образцов пошли странные показатели. Помнишь ту партию вещества, которую мы заложили в термостат? Тут... распад идёт. Мне нужно твоё резюме. Ты когда в лаборатории будешь? Ты нужен здесь. Срочно.

Денис нахмурился, уловив эту неестественную, испуганную интонацию ассистента. Он уже открыл рот, чтобы приказать Алексу понизить температуру в камере, как вдруг в трубке раздался тяжёлый шорох перехватываемой мембраны. Глухой щелчок, и вместо испуганного лепета коллеги в динамике раздался знакомый, хриплый и вальяжный бас того самого качка в кожаной куртке из далёкой осени.

— Слышь, Док, — качок негромко, издевательски рассмеялся, и на том конце провода послышался металлический стук лабораторного пинцета о кафельный стол. — Мы тебя ждём. Заезжай, а то твой очкарик тут совсем бледный, формулы твои путает. Давай, шевели поршнями, Док. Дело есть.

В трубке пошли короткие, равнодушные гудки.

Денис медленно опустил руку с телефоном, чувствуя, как знойный июльский воздух ВДНХ в секунду стал ледяным. Солнце продолжало ослепительно бить в глаза, золотя воду в фонтане, но мир вокруг перевернулся. Прошое, от которого он так отчаянно пытался сбежать в эту солнечную иллюзию, настигло его и переломило день пополам.

Док заставил себя глубоко вздохнуть, сунул телефон в карман и повернулся к Ольге. Лицо горело, а в груди стучало так, словно он сам только что проплыл стометровку на пределе сил.

— Оль... — Денис попытался улыбнуться, но губы свело судорогой. — Прости меня, ради бога. В лаборатории ЧП, Алекс там один не справляется, реактивы горят. Мне нужно срочно ехать в институт. Прямо сейчас.

Оля удивлённо посмотрела на него из-под солнцезащитных очков, ловя его изменившийся, потемневший взгляд, но спорить не стала. Дальневосточная закалка приучила её уважать чужой форс-мажор.

— Иди, Док, — спокойно кивнула она, коснувшись его дрожащей руки. — Я до базы сама доеду. Разбейся со своей органикой.

Денис коротко обнял её, развернулся и быстрым, почти бешеным шагом рванул в сторону выхода к метро.

Оля осталась у фонтана, глядя вслед его быстрой, нервной фигуре. Что-то кольнуло в груди. Не сердце — предчувствие.

Две Ольги снова сошлись в его жизни в один тугой, неразрывный узел, но теперь к этому узлу добавилась грязная, опасная петля, которую бандиты-отморозки затягивали на шее его научной группы.

Глава 10

Глава 10. Цена компромисса

Резкий запах медицинского спирта и озона в лаборатории был намертво задушен тяжёлым, приторным шлейфом дорогого табачного дыма. Денис влетел в помещение, тяжело дыша и едва не сорвав дверь с петель.

Алекс, испуганно вжавшийся в угол, при виде начальника дёрнулся вперёд, но Денис мгновенно оценил обстановку. В кабинете было трое незваных гостей. Два массивных качка-шестёрки лениво крутились возле штативов, а сам Седой вальяжно расположился прямо на его рабочем столе.

— Алекс, марш на кафедру к профессору, отнеси ведомости за прошлый месяц. Живее, — жёстко, не терпящим возражений тоном приказал Денис, выставляя ассистента за дверь до того, как тот успел открыть рот.

Свидетели молодому учёному были не нужны. Едва дверь за бледным Алексом захлопнулась, один из качков щёлкнул замком, отрезая лабораторию от внешнего мира.

Седой, крепкий мужчина лет сорока с короткой, добела выстриженной на висках щетиной, лениво крутил в руках пожелтевший бланк с гербом Министерства здравоохранения — то самое старое письмо о закрытии финансирования, с которого осенью прошлого года и началась их грязная сделка. На Седом была дорогая тёмная рубашка из тонкого шёлка с расстёгнутым ворохом пуговиц, короткие рукава которой открывали мощные предплечья.

— А, прибежал, Док, — Седой лениво поднял на него глаза, швырнув старое министерское письмо на стол. — Что, на звонки перестал отвечать? Забыл, кто твою лавочку содержит? Если бы не наши деньги, ты бы эту свою макулатуру из Минздрава ещё в прошлом году в туалете на гвоздь повесил. Вместе со всеми своими исследованиями.

Денис сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Седой был прав, и от этого осознания внутри всё выгорало. Он работал на этих отморозков уже почти год, с самой осени. Когда государство перекрыло кислород после смерти Вакулеева, у Дениса не оставалось выбора. Немецкие субстраты для стабилизации вещества в пробирках, реактивы, аренда оборудования — все эти месяцы его наука дышала только потому, что Седой регулярно снабжал лабораторию пачками долларов. И Елена Борисовна на Филях до сих пор была жива только благодаря этому грязному компромиссу.

— Мы всё обсудили ещё осенью, — глухо, стараясь, чтобы голос не дрожал, произнес Денис. — Деньги идут в дело, тесты формулы двигаются. Зачем вы припёрлись сюда толпой?

В этот момент второй качок, огромный бритоголовый громила по кличке Бык, бесцеремонно вытащил из охлаждающего штатива тонкую стеклянную пробирку с мутноватой жидкостью.

— Слышь, Седой, глянь, че за хрень у него тут булькает, — Бык ухмыльнулся, подбросив хрупкое стекло на ладони, но не удержал.

Пробирка со звонком выскочила из его толстых пальцев и с глухим стуком покатилась по кафельному полу, чудом не разбившись.

— Назад! Не трогай! — Денис побелел и диким зверем рванулся вперёд, готовый зубами вцепиться в горло качку, чтобы защитить единственную порцию лекарства, которая держала на свете мать Лёли.

Бык мгновенно насупился и сунул руку под куртку, наступая на Дока, но над столами лаборатории хлестнул резкий, властный окрик Седого:

— Стоять! Бык, шаг назад, дебил! Руки убрал от оборудования! Ты мне сейчас половину стоимости своей квартиры на пол уронил!

Громила тут же замер, втянул голову в плечи и послушно отошёл к стене. Седой плавно спустился со стола, аккуратно подобрал пробирку носком туфли, поднял её и брезгливо бросил в металлический лоток. Затем он подошёл к Денису вплотную, и его сытый, спокойный взгляд мгновенно стал ленивым, но ледяным.

— Мы пришли напомнить, Док, что время авансов закончилось, — Седой жёстко похлопал ладонью по столу, где лежали принесённые им медицинские карточки. — До Олимпиады в Пекине осталось два года. На носу важные летние старты, отбор. Весь этот год ты сидел в своей норке, сытно ел и капал своё вещество мамаше Лёли. Мы не лезли. Но теперь пришла пора отрабатывать. Карточки наших московских пацанов перед тобой. Их анализы на биохимию и допинг должны быть идеальными. Нам нужны твои подписи и твои чистые бланки. Завтра утром они выходят на дорожки. Сделай так, чтобы комар носа не подточил.

Денис посмотрел на папки спортсменов. Вот она, настоящая цена, которую бандиты выставили ему за год сытой лабораторной жизни и спасение Елены Борисовны. Он уже увяз в этом болоте по самую шею, и сделать шаг назад было невозможно. Паника за оставшуюся на Филях Лёлю выжигала изнутри последние остатки воли.

— Я сделаю, — сипло, не поднимая глаз, произнес Док. — Убирайтесь из института.

Седой довольно усмехнулся, удовлетворённый тем, что учёный послушно встал в стойло.

— Вот и умница, Док. Приятно иметь дело с человеком, который помнит добро. До завтра. Не подведи, а то твоя пробирочная магия быстро закончится.

Бандиты молча повернулись, и Бык первым рванул на себя тяжёлую дверь. В этот самый момент на пороге снова появился Алекс, возвращавшийся с кафедры. Амбал даже не притормозил — он просто брезгливо выставил вперёд мощное плечо, жёстко откинув худошавого ассистента в сторону. Алекс с глухим стуком отлетел к противоположной стене коридора, чуть не впечатавшись в неё спиной, и испуганно опёрся ладонью о холодную известь, смазав рукав халата белой пылью.

Выкатившись из лаборатории, отморозки скрылись в конце коридора. Алекс, поправляя съехавшую набок оправу, торопливо забежал обратно в кабинет и сразу засыпал Дениса глупыми, паническими вопросами:

— Денис Игоревич, господи! Это кто такие?! Они что здесь делали? Они центрифугу трогали! Зачем вы меня отослали, они же вас прессовали, я же видел! Надо в охрану, надо ректору заявить...

— Тихо, Алекс, уймись, — Док раздражённо отмахнулся от него, лихорадочно пряча разложенные на столе допинговые бланки под чистые листы. — Никуда не надо заявлять. Это... спортсмены. Из Федерации панкратиона и неолимпийских видов единоборств. У них там скандал с тяжеловедами, перед коммерческим турниром. Приехали требовать, чтобы мы их биохимию вне очереди перепроверили. Хотят анализы чистые, вот и нервничают. Мутанты бри- тоголовые, у них вместо мозгов протеин.

— Но они же угрожали... — всё ещё заикался ассистент.

— Забудь, я сам разберусь, — Денис резко перебил его, лихорадочно соображая, как выставить парня во второй раз. — Так, Алекс, слушай меня внимательно. Для этих бойцов нам нужен особый реагент, ферменты для расщепления тяжёлой органики. Марш на центральный склад в третьем корпусе, выпиши у заведующей две ампулы лиофилизата. Бегом, Алекс, без этого мы их пробы не запустим!

— Да-да, я сейчас, я быстро! — Алекс, обрадованный тем, что можно уйти подальше от этого страшного кабинета, схватил бланк и пулей выскочил наружу.

Денис остался стоять посреди стерильной тишины, тупо глядя на разложенные перед ним медицинские бланки допингового контроля. Прошлое окончательно затянуло петлю на его шее. Из этого тяжёлого, удушливого ступора его вывел внезапный, пронзительный звонок сотового телефона, оставшегося лежать на столе.

Денис вздрогнул, схватил трубку и нажал на кнопку ответа.

— Да, Лёля! — выдохнул он.

— Денис! Маме плохо, приезжай скорее! — в трубке раздался панический, срывающийся на плач голос Лёли.

На заднем плане внезапно раздался резкий, оглушительный грохот разбитого стекла, металлический звон и испуганный, захлёбывающийся крик ребёнка. Денис даже не успел отключиться от первой волны страха, как этот звук ударил по ушам.

— Лёля! Что у тебя там произошло?! Лёля, ответь! — в панике закричал Денис, сжимая аппарат так, что затрещал пластик корпуса.

Но в ответ из динамика донеслись лишь короткие, глухие, равнодушные гудки обрыва связи. Она отключилась.

Денис в секунду побелел, швырнул телефон в карман и, не разбирая дороги, вихрем вылетел из лаборатории, оставив на столе допинговые карточки бандитов.

Глава 11

Глава 11. Стекло, чай и запас на полгода

Денис влетел в филёвскую квартиру, даже не успев толком захлопнуть за собой дверь. В прихожей резко пахло чем-то сладковатым, приторным — опрокинутыми духами или лекарством. Его взгляд сразу упал на пол: осколки стекла, лужица прозрачной жидкости, рядом — выпавший из рук шприц.

— Лёля! — крикнул он, срываясь с места.

Она сидела на кухне за столом, уронив голову на руки. Плечи мелко дрожали. На скатерти — красное пятно. Не кровь. Вино или сироп.

— Денис... — Лёля подняла лицо. Глаза красные, растрёпанная, губы трясутся. — Он пришёл. Глеб. Пьяный.

Денис уже не слушал. Из коридора доносился прерывистый, свистящий звук — чужое, тяжёлое дыхание. Он обогнул стол и замер в дверях спальни.

Елена Борисовна сидела на кровати, прижав ладонь к левой стороне груди. Лицо серое, потное, под глазами синева. Рядом на тумбочке — пустой блистер от её обычных таблеток и раздавленная ампула КРВ.

— Я не успела... — прошептала Лёля за спиной. — Глеб разбил пузырёк. Я хотела новый достать, а он меня за руку схватил... Мама встала, закричала, и вдруг...

— Вызывай реанимацию, — бросил Денис, уже опускаясь на колени перед Еленой Борисовной. — Живо.

Он нашупал пульс. Нить. Частый, рваный.

— Елена Борисовна, — тихо, почти спокойно сказал он. — Я здесь. Слушайте меня. Дышите медленно. Неглубоко.

Она посмотрела на него мутными глазами, попыталась что-то сказать, но из горла вырвался только хрип.

— Лёля! — рявкнул Денис, не оборачиваясь. — Реанимацию!

— Уже... уже звоню... — всхлипнула она из коридора.

Денис вытащил из кармана свой шприц-ручку — запасную дозу КРВ, которую всегда носил с собой. Сорвал колпачок.

— Сейчас, сейчас... — бормотал он, нашаривая вену на высохшей, старческой руке. — Я вас не отпущу. Слышите? Не отпущу.

Он ввёл лекарство медленно, считая про себя секунды. Елена Борисовна вздрогнула, закрыла глаза. Её голова откинулась на подушку.

— Мама! — Лёля бросилась к кровати, но Денис перехватил её за плечи.

— Не трогай. Дай время.

Они застыли — двое над неподвижной женщиной. В комнате было слышно только её прерывистое, тяжёлое дыхание и всхлипы Лёли.

Минута. Другая.

Ритм стал ровнее. Лицо Елены Борисовны перестало быть таким серым.

— Жива, — выдохнул Денис и только сейчас заметил, что у него самого дрожат руки. — Жива.

Реанимационная бригада приехала через двадцать минут. Двое в синих костюмах — усталый врач с запавшими глазами и молодой медбрат с ящиком оборудования. Вошли, оценили, переглянулись.

— Кардиограмма, — скомандовал врач.

Медбрат уже разворачивал переносной монитор. Денис отошёл к стене, скрестив руки на груди, и молча смотрел, как они подключают Елену Борисовну. Зелёная ломаная линия запрыгала по экрану — грязная, рваная, но всё же ритм.

— Стабильно нестабильная, — заключил врач, отрывая бумажную ленту. — В больницу взети смысла нет, сердце не выдержит дороги. Оставим на месте.

Он повернулся к Лёле:

— Лекарства давать строго по схеме, без самостоятельности. У неё есть что-то кроме обычных таблеток?

— Есть, — тихо сказал Денис. — Экспериментальный препарат. Я его ввожу.

Врач посмотрел на него внимательно, недоверчиво.

— Вы врач?

— Кардиолог. Денис Игоревич. Я веду это направление.

Врач чуть приподнял бровь.

— Преемник Павла Андреевича?

— Да.

Врач кивнул, что-то пометил в бумажках, больше не спорил.

— Распишитесь в отказе от госпитализации.

Через полчаса реанимационная уехала. В квартире снова стало тихо, только из спальни доносилось тяжёлое, прерывистое дыхание Елены Борисовны — она уснула, накрытая пледом. Лёля заглянула к ней, поправила подушку, прислушалась к дыханию и бесшумно вышла, приотворив дверь.

На кухне Денис уже поставил чайник. Он сидел за столом, положив руки на столешницу, и смотрел в одну точку. Перед ним стояла полупустая пачка печенья и две кружки.

Лёля опустила её напротив. Глаза красные, опухшие, но слёз больше не было.

— Выпей, — он подвинул к ней кружку. — Сладкий. Шок в таких случаях убирает только сахар.

Она послушно сделала глоток, потом ещё один. Отставила кружку.

— Я ухожу от него, — сказала Лёля, и голос дрогнул. Она помолчала, глядя в стену. Где-то там, за обоями, за этим домом, за этим городом, был папа. Который верил в неё. Которого больше нет. — Наверное, — добавила она тише. И тут же поправила себя: — Нет. Точно. Я ухожу. Он мне всё рассказал. Пока пьяный в хлам, пока я пыталась собрать осколки. Ты знаешь, что он мне сказал?

Денис молчал.

— Что устал. Что я стала скучной. Что мама моя — больная обуза. И что у него есть другая. Уже полгода. Какая-то девица из клуба, где они играют. Я всё знала, чувствовала, а он сказал — и будто камень с души упал. Просто. Без стыда.

— Лёль...

— Не надо меня жалеть, Денис. — она подняла на него глаза — сухие, острые. — Я сама виновата. Мама говорила. Творческие люди не для семьи. Я не слушала. Думала, любовь всё перетерпит. А любовь перетерпела, а он — нет.

Денис медленно кивнул.

— Ты решила?

— Да. Развожусь. Найму адвоката, соберу бумаги. Даня останется со мной. А Глеб пусть катится к своей музыке и своей... — она не договорила. Махнула рукой и снова взяла кружку.

Помолчали.

— Ладно, — Денис выдохнул и перевёл разговор. — Давай о главном. У тебя здесь запас КРВ есть?

Лёля кивнула, вытерла губы тыльной стороной ладони.

— В тумбочке у мамы. Три ампулы. И ещё в холодильнике, в овощном ящике, в чёрной коробке. Там семь.

— Маловато, — Денис покачал головой. — Я привезу ещё. У меня в лаборатории... есть кое-что.

Он замолчал. Лёля смотрела на него выжидающе.

— Денис. Откуда у тебя столько? Ты же говорил, формула не прошла клинических испытаний, что её по каплям выбивать приходится, что каждая ампула на учёте...

— Потому что так и есть, — он поднял глаза. — Официально. А неофициально... Я уже полгода делаю запас. В обход учёта. Фальсифицирую журналы, списываю на брак, на нестабильные образцы.

Лёля застыла.

— Зачем?

— Затем, что твоя мама без него умрёт. Ты это знаешь. А официально мне выписывают ровно столько, чтобы латать дыры. Один приступ — минус ампула. Другой — минус вторая. А если их станет больше? Если сердце сдаст окончательно? Я должен был выбирать: либо следовать правилам и смотреть, как она угасает, либо... нарушать.

Он говорил спокойно, почти без эмоций, будто оправдывался перед научным советом.

— Я выбрал нарушать. Я делаю КРВ в лаборатории ночью, когда все уходят. Смешиваю субстраты, добавляю стабилизаторы. Моя формула немного отличается от утверждённой — я модифицировал её, улучшил. Но официально этого препарата не существует.

— И кто знает?

— Только я. И теперь ты.

Лёля медленно перевела взгляд на закрытую дверь спальни, за которой спала мать. Потом снова на Дениса.

— Ты рискуешь карьерой, — тихо сказала она. — Тюрьмой.

— Рискую. — он не отвёл глаз. — Но я обещал Павлу Андреевичу, что она будет жить. И я сдержу слово. Любой ценой.

— Глеб говорил... — Лёля запнулась. — Он кричал сегодня, что ты «ворованный укол» маме ставишь. Я не поняла тогда. А теперь...

— Теперь понимаешь, — Денис встал, прошёл к холодильнику, открыл овощной ящик, достал чёрную коробку. — Здесь семь ампул. Я привезу ещё пять на следующей неделе. Храни в тёмном прохладном месте, но не в морозилке. И никому не говори.

Он поставил коробку на стол, развернул её, проверил целостность каждой ампулы.

— Если что-то пойдёт не так, если меня... не будет рядом, — он поднял на неё глаза. — Ты знаешь, куда прийти. Вскрываешь этот ящик, берёшь одну, греешь в руке до температуры тела и вводишь внутривенно медленно. Справишься?

Лёля смотрела на него, и в её глазах медленно проступал страх — не за мать, за него.

— Ты чего-то не договариваешь, Денис. Что происходит?

Он не ответил. Только покачал головой, задвинул коробку обратно в овощной ящик и закрыл дверцу холодильника.

— Пей чай, Лёль. Завтра будет тяжёлый день. Я сам вызову такси, разберусь с осколками, позвоню юристу. А ты иди к сыну. Он, наверное, проснулся от шума.

Лёля медленно поднялась. У выхода из кухни остановилась, обернулась.

— Спасибо тебе. За маму. За всё.

— Иди, — мягко сказал Денис. — Я здесь побуду ещё немного.

Она ушла в детскую, прикрыв за собой дверь.

Денис остался один. Сидел за кухонным столом, смотрел на остывший чай, на разбитую вазу в прихожей, на грязные следы на полу. И думал о том, что запаса КРВ хватит Елене Бори-

совне на полгода. О том, что карточки с допингом до сих пор лежат на его столе в лаборатории. И о том, что Седой не прощает ошибок.

Он достал телефон, набрал сообщение Алексу:

«Карточки со стола убери в сейф. Никому не показывай. Завтра всё объясню».

Отправил. Убрал телефон в карман. Посмотрел в окно на серое закатное небо над Филями.

Глава 12

Глава 12. Вопреки

Из филёвской квартиры Денис вышел за полночь. Елена Борисовна наконец уснула, накрытая лёгким пледом, Лёля сидела у кровати сына, в комнате горел ночник. Спокойствие было обманчивым, тяжёлым. Денис спустился по лестнице, сел в машину и долго сидел, глядя на тёмный подъезд. В голове гудело: осколки на полу, шприц в лужице лекарства, семь ампул в овощном ящике, холодные пальцы Елены Борисовны, когда он нащупывал пульс. И слова Лёли: «Он мне всё рассказал. Про другую».

Он завёл двигатель и поехал не домой. Он поехал в общежитие к Ольге.

Она открыла дверь в спортивном костюме, с мокрыми после душа волосами — видимо, только вернулась с вечерней тренировки. Увидела его, замерла.

— Док? Ты чего?

— Собирайся.

Она не переспросила. Смерила его взглядом — быстрым, оценивающим — и кивнула.

— Жди здесь.

Пять минут — и она вышла с сумкой через плечо, накинув поверх костюма ветровку.

Всю дорогу Денис молчал, глядя в лобовое стекло. Ольга не приставала, только смотрела в боковое окно на ночную Москву, которая летела мимо фонарями и редкими машинами.

Квартира у Дениса была небольшая, но аккуратная: светлые стены, минимум мебели, на кухне — свежая столешница и кофемашинка. Только одна кружка стояла на сушилке. Ольга вошла следом, огляделась, кивнула:

— У тебя хорошо. Не ожидала.

Они сидели на кухне, пили чай и молчали. За окном горели огни Москвы. Денис смотрел в кружку и не знал, как говорить то, чего не мог сказать. Ольга не торопила.

Потом она взяла его за руку.

— Иди ко мне, Док. Не надо слов.

И он пошёл.

Утро пришло не через будильник — оно пришло через свет. Солнце уже поднялось, и его жёлтые, ещё не жаркие лучи пробивались сквозь тонкие шторы, ложились полосами на пол, на край кровати, на её руку, которая всё ещё лежала на его плече.

Денис открыл глаза и не сразу понял, почему ему так спокойно. Потому что не было ни звонков, ни кардиограмм, ни бумаг на столе. Потому что рядом спала Ольга, и её дыхание было ровным, глубоким, без обычного спортивного контроля. Она не сжимала челюсть во сне, не натягивала одеяло до подбородка. Она просто спала.

Он смотрел на неё несколько секунд, боясь пошевелиться. На светлые волосы, рассыпавшиеся по подушке. На ресницы — длинные, детские, нелепые для девушки, которая каждое утро вгрызается в воду на пятидесятиметровой дорожке.

Внутри у него что-то дрогнуло. Не сердце — что-то другое, то, чему в кардиологии нет названия.

Ольга пошевелилась, не открывая глаз, и её пальцы сами нашли его ладонь.

— Ты смотришь, Док, — сказала она тихо, сонно. — Я чувствую.

— Сплю, — ответил он.

— Врёшь.

Она улыбнулась, всё ещё не открывая глаз. И он понял, что это, наверное, и есть то самое, ради чего люди ломают режимы, подписывают фальшивые бланки и ездят через всю Москву в два часа ночи.

Потом был душ, кофе, её привычная быстрота — десять минут на сборы, ни секунды лишней. Но в прихожей, когда она уже застегнула ветровку, Ольга вдруг остановилась, посмотрела на него серьёзно, без обычной спортивной усмешки.

— Денис.

Она редко называла его по имени.

— Что?

— Спасибо, что приехал. Не за вчера. За то, что не уехал.

Он хотел ответить что-то лёгкое, привычное, но не смог. Только кивнул и коснулся её пальцев.

В бассейн они въехали ровно в шесть. Ольга вышла из машины, и тут же у входа её перехватила Ирина Николаевна. Тренер стояла, скрестив руки на груди, и взгляд у неё был тот самый — которым она выжигала секунды на дорожке.

— Кравцова, — голос резанул по утренней тишине. — Ты где ночевала?

— У подруги.

— У какой? — тренер перевела взгляд на машину Дениса. — У этой? — она кивнула в лобовое стекло. — Ты понимаешь, что творишь? Спортсменка сборной ночует у врача. Пекин через два года, Оля. Два года! А ты вольности позволяешь.

— Я ничего не позволяла.

— Не ври мне. Я тебя с десяти лет знаю. — Ирина Николаевна шагнула ближе, понизила голос, но от этого он стал только страшнее. — Ты думаешь, я не вижу, как он на тебя смотрит? Как ты на него? Думаешь, мне всё равно?

— Ирина Николаевна...

— Молчи. Ты моя спортсменка. Моя. Я в тебя вложила всё. Нервы, здоровье, жизнь. И я тебя никому не отдам. Ни этому доктору, ни кому другому. У нас с тобой одна цель — олимпийское золото. Всё остальное — помеха. И если ты начнёшь отвлекаться, я сделаю так, что ты об этом пожалеешь. Поняла?

Ольга молчала, глядя ей в глаза. Внутри поднималась знакомая, глухая злость, но она сдержалась.

— Поняла, — тихо сказала она.

— В общежитие вернёшься сегодня. Без обсуждений. А этому... — тренер кивнула в сторону машины, — передай, чтобы не лез. Он тут чужой.

Она развернулась и ушла в комплекс, громко хлопнув стеклянной дверью.

Ольга осталась стоять на крыльце. Сжала лямку сумки так, что побелели костяшки. Потом медленно выдохнула, обернулась к машине, поймала взгляд Дениса и коротко улыбнулась — уголками губ, как умела только она. Чтобы он не волновался.

Он всё равно будет волноваться. Но об этом — позже.

Денис остался сидеть в машине. Августовское утро уже нагревало капот. Он смотрел на дверь, за которой скрылась Ольга, и всё ещё чувствовал на своих пальцах её ладонь. В зеркале заднего вида мелькнула знакомая чёрная машина. И тут же исчезла за поворотом. Денис не придавал этому значения. Зря.

Он не знал, что это только начало. И что совсем скоро ему придётся выбирать между ней и всем остальным.

Глава 13

Глава 13. Суд

— Встать! Суд идёт!

Секретарь ударила папками по столу. Что-то звякнуло.

Зал мирового суда на Филях был маленьким, душным, с выцветшими порттьерами и скрипучими стульями. Пахло казённой пылью и чужими бедами.

Лёля сидела на скамье для истцов, сцепив пальцы так, что костяшки побелели. Рядом — её адвокат, пожилая женщина с усталыми глазами, которая уже шепнула: «Главное — не дёргаться. Он сам себя утопит».

На скамье для ответчиков сидел Глеб. Без гитары, без привычной наглой улыбки — в дешёвом костюме, который топорщился на плечах. Рядом — его адвокат, молодой, шустрый, с дорогими запонками.

Глеб не смотрел на Лёлю. Играл желваками, крутил в пальцах новенький дорогой телефон.

Лёля смотрела на него и вдруг вспомнила — свадьбу. Три года назад. Белое платье с пышной юбкой, которое она выбирала целый месяц. Ресторан «Ярь», где отец Глеба, такой же растрёпанный гитарист в арендованном пиджаке, произносил тост за «молодых и вечную любовь». Гости кричали «горько». Глеб целовал её так, что у неё кружилась голова.

Она тогда не заметила, как на середине вечера он куда-то исчез на полчаса. Потом вернулся, хмельной, счастливый, плясал с её подружкой — той самой Анастасией, чьи фото потом всплыли в телефоне. Лёля тогда подумала: «ну, праздник же, все веселятся». А сейчас, сидя в зале суда, она поняла: надо было смотреть тогда, а не сейчас.

Она зажмурилась, прогоняя видение. Глеб так и сидел, крутя телефон. Даже не взглянул в её сторону.

Судья — женщина лет пятидесяти с лицом, которое ничего не выражало, — открыла заседание, зачитала иск.

Лёля слушала свой голос со стороны. Он звучал ровно, сухо, будто она читала отчёт по университету: «Брак считаю невозможным сохранить. Супруг систематически злоупотребляет алкоголем, не участвует в содержании ребёнка, состоит во внебрачных связях».

Судья повернулась к Глебу:

— Ответчик, ваше отношение к иску?

Глеб встал. Поправил галстук — дешево, наигранно. Впервые посмотрел на Лёлю.

— Я не согласен. Развода не будет.

В зале зашумели. Судья постучала ручкой.

— Тишина. На каком основании?

— Я люблю жену, — сказал Глеб, и голос его дрогнул — очень убедительно, почти по-настоящему. — У нас размолвка. Семью надо сохранять, особенно когда есть ребёнок. Я готов меняться. Ради Дани.

Лёля смотрела на него и не верила своим ушам.

— Ложь, — сорвалось с её губ.

— Слово истцу.

Она поднялась. Руки тряслись, но голос держала.

— Он врёт. Свидетельство о рождении Данилы есть в деле. Глеб за полгода, что не живёт с нами, ни разу не пришёл к сыну. Не купил ни памперса, ни игрушки. Я одна водила ребёнка к врачам, одна покупала лекарства.

— А она живёт на широкую ногу, — перебил Глеб, разворачиваясь к судье. — Вон, адвоката наняла. Квартира — трёшка в Филях. Машина у неё — иномарка. Ребёнок одет-обут. А я, по-вашему, должен из подземного перехода монеты подавать?

— Это не мои деньги! — Лёля повысила голос. — Это мамина квартира, доставшаяся от отца! А машина — моя, я её на свои...

— Денис ваш! — Глеб вскочил, повысил голос. — Денис Игоревич Градов! Главный врач сборной России по плаванию! Он спонсирует её адвокатов, он ей всё обеспечивает! У него лаборатория, спонсоры, он любые бумажки подделает!

— Прекратите! — судья стукнула молоточком. — Ответчик, ваши заявления должны иметь доказательства.

— А вот и доказательства! — Лёля достала из папки распечатки. — Переписка моего супруга с некой Анастасией. Начинается за полгода до нашего разрыва. — Она зачитала вслух: — «Милая, я не могу без тебя», «Лёлька ничего не узнает», «Пришли фото, я один дома». — Она повернулась к Глебу. — Ты тогда в туалете ресторана целовался с ней, забыл? Я всё знаю. Мне Танька рассказала через неделю после свадьбы. Я тебя пожалела. Думала, ошибка. А ты... ты просто мразь.

Глеб побелел.

— И это не всё, — Лёля достала телефон. — А это он написал мне вчера вечером: «Отзовай иск. Живём мирно. А если нет — квартиру поделят. Денис заплатит».

Глеб замолчал. В зале повисла тишина.

Судья медленно сняла очки, протёрла их.

— Ответчик, вам есть что сказать?

Глеб сглотнул. Обвёл взглядом зал, потом посмотрел на Лёлю.

— Она меня довела... Я не хотел... Я просто... — Он сел на место, закрыл лицо руками.

Судья выдержала паузу, потом произнесла:

— Стороны, я вынуждена предоставить вам время для примирения. Два месяца. — Она посмотрела на Лёлю, потом на Глеба. — За это время вы либо находите способ сохранить семью, либо... — она не договорила, развела руками. — Следующее заседание — через два месяца. Свободны.

Лёля застыла. Два месяца. Ещё два месяца быть замужем за этим человеком.

Глеб поднялся, усмехнулся, сунул руки в карманы.

— Ты ещё пожалеешь, — бросил на ходу.

— Я уже пожалела, — тихо сказала Лёля. — В тот день, когда сказала «да».

Он хлопнул дверью.

В коридоре адвокат тронула Лёлю за локоть:

— Это нормальная практика, не паникуйте. Готовьтесь к следующему заседанию. Соберите доказательства. Он своё получит.

Лёля кивнула, не слыша.

Она вышла на улицу. Солнце светило в глаза. Она сжала в кармане трёхгранник и подумала: «Два месяца. Я выдержу. А он — нет».

Она не успела достать телефон, чтобы набрать Дениса. Сзади услышала голос Глеба — он вышел следом.

— Лёлька, стой.

Она обернулась. Глеб стоял на крыльце, криво усмехался.

— Ты думаешь, если судья сказала «два месяца», ты выиграла?

— Отойди, Глеб.

— Не отойду. — Он спустился по ступеням, подошёл ближе. — Ты думаешь, мне нужны эти ваши копейки? Мне нужен Данька. И ты это знаешь.

— Ты его не получишь.

— Получу. — Он схватил её за запястье, сильно, до хруста. — Через суд. Через опеку. Ты же нервная, у тебя мать больная, ты не справляешься. Я докажу.

— Отпусти!

Лёля дёрнулась, но он держал крепко. В этот момент с парковки вылетела знакомая машина — Денис затормозил у самого крыльца, выскочил, даже не заглушив двигатель.

— Отпусти её.

Глеб обернулся, но руку не разжал.

— О, доктор приехал. Спасатель на белом коне. Только конь у тебя, доктор, не очень резвый.

— Я сказал — отпусти.

Денис подошёл вплотную. Глеб смотрел на него, шурился, потом разжал пальцы. Лёля отступила, потирая запястье.

— Денис, не надо...

— Не лезь, — бросил Глеб и вдруг размахнулся — коротко, резко, прямо в челюсть.

Денис не ожидал. Ударился о капот своей машины, съехал на асфальт.

— Денис! — Лёля бросилась к нему, но Глеб перехватил её за ворот пальто.

— А ты куда? — Он дёрнул так, что ткань затрещала. Лёля отшатнулась, и в этот момент Глеб рванул — пальто треснуло по шву, пуговицы посыпались на асфальт.

— Глеб! Прекрати!

Он замер. Посмотрел на неё — глаза бешеные, злые. Потом перевёл взгляд на Дениса, который поднимался с земли, вытирая разбитую губу.

— Доктор, — усмехнулся Глеб. — Лечи свою девку. Она теперь твоя. С ребёнком на руках и больной мамашей. — Он посмотрел на Лёлю. — А ты, Лёль, ещё вспомнишь меня. Когда денег не будет. Когда он тебя бросит. Я приду. И Даньку заберу.

Он развернулся и пошёл к чёрной иномарке, которая только что подкатила к крыльцу. За рулём сидела Анастасия — накрашенная, с идеальной укладкой. Глеб сел на пассажирское сиденье, хлопнул дверью.

Машина уехала, визгнув шинами.

Лёля стояла посреди парковки, прижимая к груди порванное пальто. Слез не было. Только дрожь.

Денис подошёл, осторожно коснулся её плеча.

— Лёль...

— Не надо, — сказала она. — Не надо меня жалеть.

Она смотрела вслед удаляющейся иномарке и сжимала в кармане стальной трёхгранник.

— Я ему это припомню.

Денис молча открыл дверь своей машины.

— Поехали. Я отвезу тебя домой.

Она кивнула, села на пассажирское сиденье и закрыла глаза. Денис вырулил со стоянки, молчал, только иногда поглядывал на неё — бледную, с порванным пальто, сжавшуюся в комок.

— Он давно такой? — спросил наконец.

— Всегда, — тихо ответила Лёля. — Просто я не хотела видеть.

— Ты молодец, что не сдалась.

— Не сдалась? — она горько усмехнулась. — У меня выбора не было, Денис. Данька, мама... и ты.

— Я?

— Ты всегда рядом. Даже когда не должен быть.

Он не ответил. Сжал руль, всматриваясь в вечернюю Москву. В салоне зазвонил телефон — на экране высветилось имя Алекса. Денис вздохнул, принял вызов.

— Да.

— Денис Игоревич, — голос ассистента был напряжённым. — Вас ждут. Внизу, на ресепшене. Гость. Сказал, что вы знаете, о ком речь.

— Кто?

— Не представился. Но он... он вежливый. Слишком вежливый. Ждёт уже полчаса, сидит в кресле, листает журнал. Сказал, что никуда не торопится.

Денис напрягся.

— Я понял. Буду.

Он сбросил вызов. Лёля смотрела на него вопросительно.

— Что случилось?

— Не знаю. Но мне нужно ехать в лабораторию. Там ждут.

— Ты знаешь его?

— Понятия не имею. Но он знает, кто я.

— Денис, я с тобой.

— Лёля, это может быть опасно.

— После того, что я пережила сегодня в суде? — она усмехнулась горько. — Опасно — это когда Глеб рядом. Поехали.

Он не ответил. Только выжал газ, вжимаясь в поток машин.

До лаборатории добрались быстро. У входа действительно стояла дорогая чёрная иномарка с тонированными стёклами, рядом — двое крепких ребят в наушниках.

— Оставайся в машине, — сказал Денис. — Я сам.

— Нет, — Лёля открыла дверь. — Иду с тобой.

— Лёля...

Он не стал спорить.

В вестибюле лаборатории было тихо. Алекс стоял за стойкой ресепшена, бледный, теребя ручку. В кресле у окна сидел мужчина лет пятидесяти. Дорогой, но неброский костюм, седина на висках, на коленях — раскрытый журнал. Увидев вошедших, он аккуратно закрыл его, положил на столик, поднялся.

— Градов Денис Игоревич. Вакулеева Ольга Павловна. — Он назвал их полные имена медленно, с каким-то странным, почти торжественным спокойствием. — Есть место, где мы можем поговорить? Не здесь.

Денис и Лёля переглянулись.

Гость достал из кармана чёрную визитку, положил на столик у ресепшена. А следом — белоснежный носовой платок, сложенный идеальным треугольником.

— У вас кровь, Денис Игоревич, в уголке рта, — мягко сказал он. — Драка у суда? Неосторожно.

Денис машинально поднёс руку к губе, посмотрел на пальцы — следы бурого, засохшего.

— Возьмите. — Гость протянул платок. — Он чистый.

Денис взял. Тонкий батист, монограмма в углу — вышитые инициалы, которые он не успел разобрать. И запах. Сложный, терпкий, очень дорогой. Не магазинный — штучный. Лёля, сидевшая рядом, тоже почувствовала: повело головой, как от удара.

— У вас есть адрес, — гость кивнул на визитку. — Завтра в это же время. Я пришлю машину. Жду.

Он вышел, не оборачиваясь.

Денис всё ещё сжимал платок. Лёля молчала. В вестибюле витал запах — шипровый, с горчинкой. Он не выветривался несколько минут.

— Кто он? — спросила Лёля шёпотом.

— Не знаю, — Денис убрал визитку в карман. Платок хотел положить туда же, но почему-то не смог. Оставил на столике. — Но он знает всё. И про отца. И про нас.

— И про платок, — тихо добавила Лёля. — Такие не носят просто так.
Док взял визитку — плотный картон, золотое тиснение, только имя и телефон. Ни должности, ни названия фирмы — и положил в карман.
Они вышли на улицу. Сели в машину. Денис завёл двигатель, пос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.